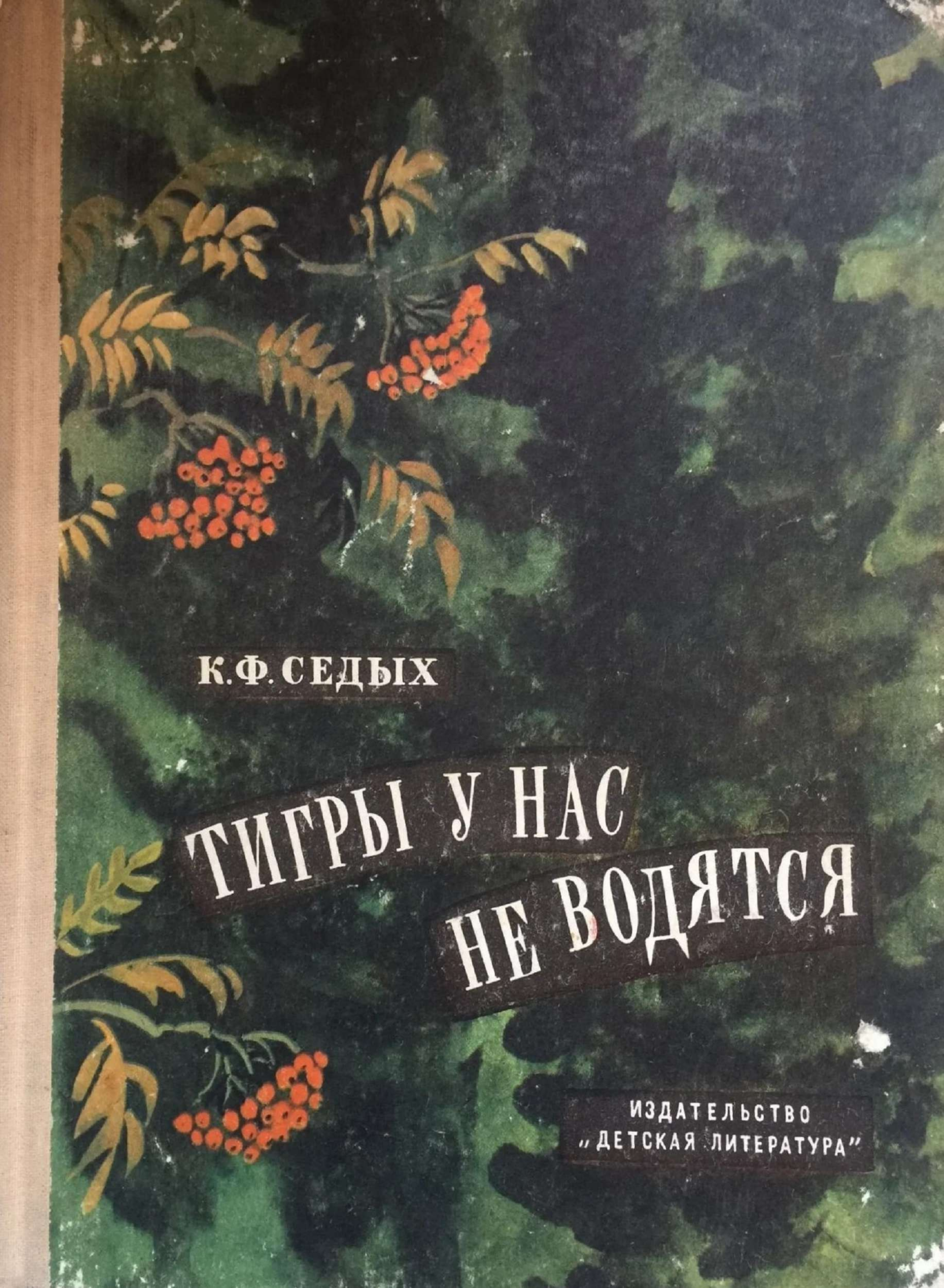

The background of the book cover is a dark, moody illustration of a forest. In the upper left and lower left corners, there are branches with yellowish-brown leaves and clusters of bright red berries. The rest of the cover is filled with dark, textured green and brown tones, suggesting a dense, shadowy forest environment.

К.Ф. СЕДЫХ

ТИГРЫ У НАС
НЕ ВОДЯТСЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

К. Ф. СЕДЫХ

ТИГРЫ У НАС НЕ ВОДЯТСЯ

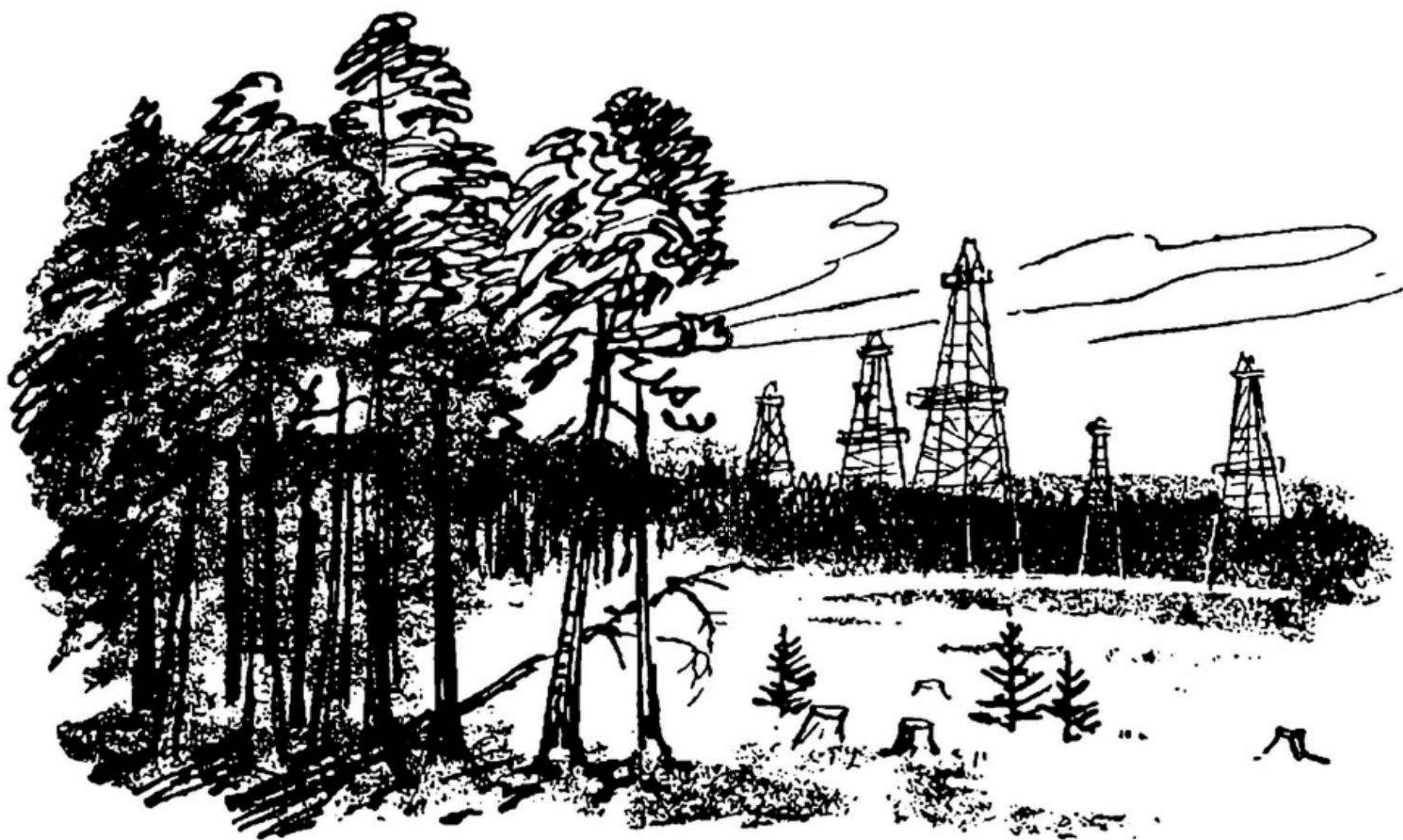
РИСУНКИ Е. ЗАХАРОВА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД 1970**

Вы не слышали хлопанья крыльев
С ягод поднятого глухаря,
По таежной реке не бродили,
Когда в небе алела заря?
У костра вы один не спали,
Не встречали в тундре пургу?..

Евгений Смирнов

НЕМНОГО О НАШЕМ КРАЕ

Самое трудное — это начать рассказ... Ведь уже с первых строчек ты, мой читатель, должен увидеть наш край, услышать шум тайги и шепот ручьев, почувствовать запах белых звездочек вахты, потрогать своими руками и шершавую кору сосен, и замшелые камни, и пропитанное черной нефтью бревно первой в нашей стране нефтяной скважины... При всем при этом в нашем крае северном как будто бы и нет ничего необычного — нет ни синего моря, ни высоких пальм, даже тигры у нас не водятся... И все же, и все же в нашем краю был построен первый в мире нефтеперегонный завод, была пробурена первая в России нефтяная скважина, работают первые и единственные в СССР нефтяные шахты. В нашем краю растет более 3000 различных растений и обитает свыше 8000 различных животных. В долинах таежных речек растут травы с листьями до полуметра в длину и почти столько же в ширину (чтобы засушить такой лист нужен журнал «Огонек» в развернутом виде). И есть такие маленькие растения, что 30 штук уместится на обычной тетрадной странице. На территории нашего края свободно разместятся: Англия, Бельгия, Голландия, Дания и Швейцария вместе взятые. В нашем краю реки вскрываются в конце апреля и в

мае, и замерзают в октябре. Последний снег нередко выпадает 16 июня, а первый — 9 сентября. В августе уже спускаются на землю серебристые нити заморозков и играют в небе зеленые полосы северного сияния...

До революции в нашем крае имелся только один город — Усть-Сысольск. В нем не было никакой промышленности, и он служил местом ссылки политических заключенных. В этом городе прозвучали смелые слова коми поэта Ивана Куратова, направленные против царского самодержавия:

Коми дорогие,
братья, земляки,
К нам придут другие,
Лучшие деньки...

Сейчас в нашем крае 6 городов и много рабочих поселков. В 1926 году в городе Сыктывкаре (бывшем Усть-Сысольске) появилось первое в краю промышленное предприятие — лесопильный завод, переведенный из Архангельска, а сейчас в одном только этом городе выросло около 100 предприятий, в том числе и такие крупные, как лесопильно-деревообрабатывающий комбинат, механический и судостроительно-ремонтный заводы, заводы сборного железобетона и крупнопанельного домостроения, строится целлюлозно-бумажный комбинат. В нашем краю добывают уголь и нефть, газ и асфальтит, золото и алмазы, медь и марганец, каменную соль, известняки, гипсы, глины, пески.

В нашем краю живет много веселых людей, любителей путешествий, которые любят бродить по тайге и по долгу службы, и просто в часы отдыха. И чего только они не увидят, чего не встретят! И... и... Но хватит! Пора начать более подробный рассказ о нашем крае...

ВЕТЕР — ВЛАСТЕЛИН СЕВЕРА

Недаром так часто поэты пишут стихи о ветре. Ветер — это серьезная сила. Ветер силен и в тайге, но там, где она начинается, — в тундре, он бывает просто неистов. Представьте себе, ребята, мороз 25° . Ух, как холодно, а тут еще ветер, да какой! 30 метров в секунду! Таким ветром однажды на повороте сдуло с рельс пассажирский поезд и, не опрокинув, мягко опустило вагоны в глубокий снег.

Такой ветер по самые трубы заваливает снегом одноэтажные дома. Он мигом превращает в сугроб остановившуюся автомашину. Кажется, что может ему противостоять? Все истребит он и разрушит! Но нет, сопротивляются и выстаивают против его мощи и люди, и животные, и растения.

Завалил снег улицы — двинулись в путь могучие бульдозеры и тракторы, а по железной дороге — снегоочистители. И вот уже пробиты тоннели к магазинам и столовым, к жилым домам и промышленным предприятиям.

Основным транспортом стал вездеход — на нем ездят и на работу, и в кино, и врач к больным тоже — на вездеходе «Скорой помощи».

А малыши в такие дни круглые сутки остаются в детских садах и яслях, разговаривают с папами и мамами по телефону. И как ни бесится ветер, как ни крутит пурга, а ничего не может с людьми поделаться! Стоит и растет заполярный город Воркута, все больше в нем становится шахт и домов, все больше добывается черного каменного угля, так нужного всей нашей стране. Людям помогают воевать с ветром и морозом наука и техника. А как выстаивают растения, как не гибнут животные?

ГРИБЫ „НАДБЕРЕЗОВИКИ“

Открыто противостоять ветру может только камень. Растения на совсем открытых местах гибнут. Ветер их и сушит, и гнет, ломает, и срезает, как бритвой, гоня потоки острых льдинок. Но растения не сдаются. Они используют каждую ямку, каждую рытвинку, прячутся за любое укрытие, образуют пышные густые подушки и выставляют навстречу ветру плотные сплетения веток. Где ничего не помогает — совсем распластываются по земле, на камнях, а то и вгрызаются в сам камень, как это делают, например, накипные лишайники. Их с камнем не разъединить никакими силами, пока цел камень — жив и лишайник. А другие растения на зиму отмирают. Остаются от них только плоды, семена, споры, корневища, клубни, луковицы. Летом в тундре тепло. И быстро, за несколько дней, становится она зеленой и цветущей. И вырастают в тундре грибы.

Деревья в тундре низкие, особенно в горах. Березки совсем карликовые — сантиметров по пять высотой, а грибы обычного роста. И вот идешь по такому «лесу» и смотришь: вон там и здесь стоят, голубчики, в своих коричневых шляпках. За час можно целую корзину набрать. Только странно их там называют «подберезовиками», скорее подходит название «надберезовики».

В тундре и лесотундре встречается много разных грибов. Кроме подберезовиков есть подосиновики, волнушки, моховики, мухоморы, дождевики и те, что привыкли мы называть поганками. Некоторые из этих поганок растут только на навозе травоядных животных и... ими же распространяются. Когда у этих грибов созревают споры, то они «выстреливаются» на 60—70 сантиметров, а иногда и на 2—5 метров. Споры липкие и, попав на траву, плотно к ней прилипают. Северные олени, поедая траву, поедают и споры гриба, которые при этом не только не гибнут, но наоборот — гораздо лучше развиваются, чем те, которые в желудок оленей не попали. Отдельные виды этих грибов вовсе не вырастут, если не пройдут через кишечник травоядных.

Гриб подберезовик вырастает в тундре зачастую выше карлико-

вых ив и березок. Но гриб — гриб и есть. Постоял, покрасовался и сгнил. Остались от него на будущее споры и грибница под землей — тонкие белые нити. А березы, ивы и другие кустарнички и травы тундры живут долго. Подсчитали ученые массу разных растений, и получилось, что чем дальше на север, тем больше распластывается растений над самой землей — не выше 5 сантиметров, и во все стороны стелются побеги. Побеги ветвятся, касаются земли, образуют свои добавочные корни, и возникает целая куртина. Корни растений тундры тоже не совсем такие, как у других, более южных растений. Они толстые, мясистые и могут сжиматься и понемногу втягивать в почву основание стебля, что очень важно для растений Крайнего Севера. Даже у трав корни зачастую уходят глубоко — на 40—50 сантиметров — и там сильно разветвляются. Многие из них образуют еще и подземные побеги, которые потом дают начало новым растениям.

ИВА-КОВРИК И ГВОЗДИКА-ЕЖИК

Ну кто не знает иву? «Ивушку зеленую, над рекой склоненную»? Зовут ее еще в разных местах ракитой, вербой, ветлой, лозой, лозняком, тальником. И везде ивы — или кустарники, или небольшие деревья. Везде, кроме тех мест, где начинается тайга, — кроме тундры и северных гор.

В горах полярного Урала по долинам и в нижней части склонов растут ивы немного выше роста человека, дальше они становятся по пояс, потом — ковриком, только на 3—5 сантиметров вздымающим над землей свои веточки. Все что нужно есть у этих ив: и корни, и ствол, и ветви, и листья, и соцветия. Только ствол стал коротким и лежащим. У некоторых видов он и совсем в мох зарылся, только веточки оттуда выглядывают. А вот листья и соцветия не уменьшились. Почему? Да потому же, почему и грибы подберезовики.

Листья появляются уже тогда, когда станет тепло, а соцветия и так невысоко над землей выдаются, да еще укрыты густым теплым войлочком, как шубкой. Очень они красивые и заметные издали — желтые, розовые, синеватые. Соцветий много, так и пылет весь горный склон их огненными свечечками. Для кого же они так горят? Для насекомых-опылителей. Их не так уж много. Иной раз за целый день встретишь не более десятка шмелей, ос, пчел и мух. Вот и «стараются» цветы ив обратить на себя побольше внимания.

Ивы побеждают ветер и холод стелясь ковриком, а одна из полярных гвоздик становится «ежиком». Стебли ее разной длины: в середине повыше, к краям пониже, и получается зеленый бугорок — «ежик». Ветру его пробить трудно, в нем плотно сомкнулись стебельки и веточки. А яркие розовые цветы его тоже, как и свечечки ивы, зовут к себе в гости насекомых.

МОХНАТЫЕ ДРУЗЬЯ РАСТЕНИЙ

Больше всего помогают растениям тундры опыляться шмели и мухи — их много, и навещают они самые разные растения. Жучков и бабочек в тундре меньше, чем шмелей, к тому же в плохую погоду или просто пасмурную они не летают, а шмели работают. Арктические шмели крупные, покрытые густым длинным пушком, что помогает им и сохранять тепло, и преодолевать сильные ветры. У лесных шмелей, обитающих под Москвой и Ленинградом, бывают довольно большие семьи. От одной перезимовавшей самки к концу лета появляется потомство в 200—300, а изредка и до 600 особей.

Шмели Арктики появляются довольно рано в начале или в середине июня, когда еще большая часть гор и тундры бывает покрыта снегом. И если снова наступит сильное похолодание, то эти насекомые могут долго пережидать его. Иногда шмели летают при сильном ветре, густом тумане и низкой температуре воздуха. Их видели на цветах при температуре воздуха у земли 1°—2° тепла, в то время как на большой высоте был мороз. Но, конечно, самую их оживленную деятельность можно наблюдать в теплое время, когда раскрываются цветы остролодочника, астрагала и других бобовых, особенно любимых шмелями.

А знаете вы окраску цветов в тундре? Очень многие, половина или чуть больше половины, имеют невзрачную — зеленую или желто-зеленую и белую окраску, только четверть — желтую, и еще четверть — красную, лиловую, синюю. Особенно много растений с яркими цветками там, где есть их друзья шмели. И цветки у этих растений крупнее, и собраны они в большие соцветия. А в тех местах, где шмелей нет и цветы опыляются только мухами, они невзрачные, незаметные.

ЦВЕТЫ ПОДО ЛЬДОМ

Нелегко жить растениям в постоянной борьбе с ветром и холодом. Особенно цветам. У них ведь нет прочного деревянистого стебля, как у ивы или березки. Даже среди лета в высоких широтах могут нахмуриться тучи, похолодает и посыплется снежок, а весной и говорить нечего! Помню, на Полярном Урале мы поднимались на гору Безымянную в конце июня. День выдался пасмурный, с ветром, с метелью. Мерзли руки, ноги, носы. Ветер налетал порывами и все пытался сбросить нас в ущелье. Но мы не жалели, что пошли. Каждый шаг приносил что-нибудь новое, необычайное. То открывался великолепный обзор на предгорную равнину или на соседние горные цепи, то ледяные кристаллы на гранях камней, то вдруг... цветы. Крупные, желтые чашечки виднелись сквозь снег и лед. Мы откопали несколько штук. Мохнатые зеленые стебли держались плохо и вяло падали на наши ладони.

— Жаль, погибли цветики, — сказал кто-то грустно.

Но тут из-за туч выглянуло солнце, засверкало в снежных и ледяных кристаллах и даже чуточку пригрело. Тише стал ветер. И на наших глазах цветы ожили! Осыпался снег с их чашечек, поднялись и распрямились головки, и навстречу солнцу раскрылись лепестки — большие, желтые, живые! Дома мы попробовали определить название этих цветов. Оказалось, что это новосиверсия ледяная из семейства розоцветных. Розоцветных на севере не так уж мало, есть кое-где по речным долинам и дикая роза — шиповник. Ему, как и южным его собратьям, посвящают поэты свои стихи. Вот отрывок из стихотворения десятиклассника города Воркуты Марка Каганцева:

В тундру как-то ходили школьники,
И один из тундры принес
Ветку тоненькую шиповника,
Ветку диких полярных роз.

Не болотной водой, как подснежник,
Ароматом далеких стран
Она пахла с такою нежностью,
Будто часто бывала там.

Я смотрел с восхищением и нежностью,
Сам себе почти что не веря...
Ах! И сколько же было свежести
В этой северной королеве...

ЧТО ЕДЯТ ОЛЕНИ

Как же борются с ветром и холодом звери?

Отрачивают длинные и плотные шубы, откочевывают в более тихие места, некоторые залегают в спячку или ведут «подснежную» жизнь. Так теплее.

Основной враг животных зимой не холод, а голод. Хорошо еще, что животные в тундре довольно неприхотливы. Вот хотя бы всем известный северный олень. Многие ребята, наверное, думают, что олень ест только «олений мох», лишайник-ягель? Олень ест всякую растительную пищу: траву, ветки ивы, грибы (большой любитель грибной пищи северный олень), ягоды и до двухсот шестидесяти восьми видов других растений! Это летом. А осенью и зимой северные олени едят не только мхи и лишайники, хотя в такое время это их основная еда. Олени выкапывают из-под снега и грибы, и траву, и те растения, которые зимой сохраняют зеленые листья.

Все же в холодное время года оленю приходится плоховато. В лишайниках мало белковых и минеральных веществ, нужных его организму, да и снег, который олень ест зимой вместо воды, тоже беден солями. И вот при случае он не прочь полакомиться вовсе необычной для травоядного животного пищей. Он ловит и поедает мелких мышевидных грызунов: леммингов и полевков, уничтожает яйца и птенцов птиц, ест сушеное мясо и рыбу, гложет кожу на рогах, сброшен-

ные рога, старые кости. На морских побережьях олени лижут соль, пьют морскую воду и поедают слоевища водорослей ламинарий.

Олени в тундре нередки. Иногда можно встретить даже дикого или отбившегося и одичавшего оленя, но чаще — стада домашних, в 1000—3000 голов, пасущихся под зорким доглядом пастухов с лайками. Мы почему-то думали, что олени пугливые, будут нас бояться и при нашем приближении разбегаться. Ничего такого не случилось. Наоборот, завидев нашу группу, пасшиеся олени подняли головы и направились к нам. Похрюкивая (олени хрюкают, как свиньи), рогатое стадо быстро катилось на нас по тундре. Сначала мы обрадовались удачной возможности сделать хорошие снимки. Но так как лавина оленей все приближалась, то в нас закралось некоторое беспокойство. У многих животных издали виделись большие красивые рога! С широкими лопастями, множеством отростков! Сразу было видно, что это старые, немало повидавшие в своей жизни рогачи! Что будет, если они не остановятся?..

Олени шли широким фронтом — с полкилометра, если не больше. Уступить им дорогу невозможно, отступить некуда. Наши мальчики выдвинулись вперед, примериваясь, за какие рога хвататься... До оленей оставалось 50 метров, 30, 20... Рядом со своими мамами и папами бежали маленькие безрогие оленятки. Некоторые вырывались вперед и смешно взбрыкивали, совсем как телята... А что, если какой-нибудь оленихе покажется, что мы хотим напасть на ее малыша?..

Земля дрожала под тысячами копыт, совсем рядом колыхались рогатые головы, раздувались широкие ноздри, темнели большие умные глаза... Только метров за десять от нас олени как по команде повернули и стали нас обтекать.

Мы облегченно вздохнули.

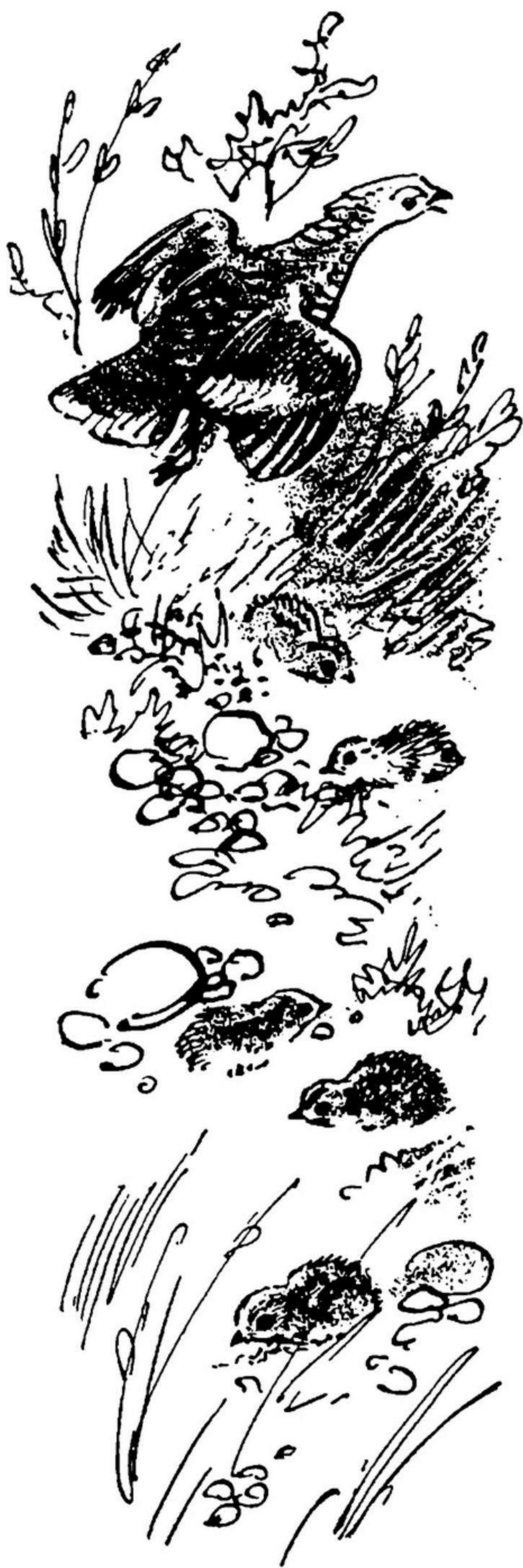
Ух, какие там были рогачи!..

КТО КАК ЗАЩИЩАЕТ ДЕТЕНЫШЕЙ

Весною и летом тундра и лесотундра — страна птиц. Еще суровы ветры, лежат большие полосы зимнего снега, только набухают почки карликовой березки и пробиваются к свету бутоны мать-и-мачехи, а птицы уже тут как тут. Полного тепла им ждать некогда. И прямо среди снега появляются на голых камнях яйца, до того похожие на камни, что скорее наступишь на них, чем увидишь. Один мальчик сделал снимок такого гнезда с расстояния в метр, а потом дома, проявив пленку и напечатав фотографии, никак не мог понять, что же он снял?

И только встретив такой же снимок в моем альбоме, он снова «увидел» и гнездо, и яйца.

Так гнездятся кулики и куропатки.

В июле всюду по тундре бегают птенчики куликов. Они совсем не боятся человека и лишь тревожный крик матери заставляет забавного пухлячка удирать от вас со скоростью, чуть превышающей скорость улитки... Мелкие воробьиные птички строят настоящие гнездышки на земле, в кустарниках, в каменных гротах, свивая их из сухой травы. К концу июля их «воробьята» считают себя совсем взрослыми — перышки выросли, летать уже могут. И это самомнение их иногда губит.

Любят птенчики вереницами рассаживаться на теплых рельсах железной дороги. Кто зазеваается и не отлетит до приближения поезда, того убьет волной воздуха о насыпь.

Да, послушание, послушание и послушание! Этому правилу твердо следуют дети горного тетерева. Крик тревоги — и вмиг замерли распластавшиеся тетеревята. Можно встать рядом с притаившимся тетеревенком, он не дрогнет, пока не раздастся «отбой тревоги». А тетерка? Она в это время разыгрывает старинную роль раненой птицы, волочит по земле крыло, подпускает врага к себе совсем близко и, чуть подпрыгивая и отлетывая, пытается отвести вас подальше от птенцов: Так же поступают и куропатки, и многие другие мирные птицы от трясогузки до глухаря, у которых другого-то способа защиты и нет.

Хищные птицы защищают своих птенцов более активно. Иногда орлы, филины и полярные совы даже нападают на охотников. Вот

какой случай рассказал нам старый охотник Прокопий Феофанович Рочев.

— Плыли три друга-охотника на лодке. Под вечер остановились у скал. Один пошел побродить и увидел в скале дыру. Большая дыра, согнувшись войти можно. Потом пещера шире и выше пошла. Зажег охотник спичку — в углу сидят на земле два младенца филина, оба в пуху еще. Защелкали на охотника клювами, зашипели. Но он, конечно, не испугался. Подошел к ним, нагнулся, взять хотел. И тут вдруг как зашумит что-то над ним! Это филин прилетел. Стал сверху налетать, хотел в голову клюнуть, шапку с охотника сбил. Охотник уже не рад, что и в пещеру залез. Стал из нее пятиться, в темноте руками голову прикрывает, а филин совсем рассердился, так и стучает его, так и стучает: ему-то там хорошо видно! Поцарапал руки до крови, за горло даже хватал. Закричал охотник, выскочил, наконец, из пещеры. Побежал к друзьям, а филин за ним вылетел и успел еще раз к нему прицепиться, пока он до лодки добежал. Едва втроем уже отбились. Однако стрелять его не стали, за своих детей потому что дрался.

ЛЕММИНГИ И ИХ ВРАГИ

(Гнезда строят на земле не только птицы, но и звери. Многие мыши, полевки, крысы сооружают из травинок шары, а внутри их выводят своих детей. Сначала мышата розовые, слепые, голые, но скоро подрастают и начинают сами грызть растения и семена. Много мелких грызунов живет в тундре. Местами они просто кишмя кишат и бегут врассыпную при появлении врага. Ближе к железной дороге обитают серые крысы, те самые, которые встречаются в домах. Подальше — больше всего полевок и леммингов. Весною вся прошлогодняя трава и мох изгрызены их ходами, которые они делали под снегом: в мороз не очень-то побегаешь поверх снега. Да и враги быстро схватят, а их немало.

Непрочь поживиться леммингом и песец, и росомаха, и ласка, и куница, и полярная сова, и канюк-зимняк. Канюк-зимняк по внешнему виду похож на ястреба, за что часто невинно страдает — убивают его охотники по ошибке. Но если ястреб-тетеревятник ловит только птиц, да еще таких ценных как тетерева и куропатки, то канюк редко за птицами гоняется. Его любимая добыча — мышевидные грызуны. Ест он их по 8—9, а иногда даже по 15—18 штук в день! Вот какая от него человеку польза! Ведь от этих мелких воришек столько зерна, продуктов и сена убавляется! А ведь грызуны разносят еще и болезни!

В погоне за своей любимой добычей канюки иногда попадают в трудное положение. Зимой проще всего прокормиться им вблизи

домов, особенно во дворах у помоек. Туда выбегают огромные рыжие крысы, никого и ничего не боящиеся — ни мальчишек с палками, ни взрослых мужчин, а кошек вообще презирующие. Глянут равнодушно и не спеша шмыгнут в какую-нибудь щель. Но есть и на них управа. Сверкнет в воздухе серо-белая молния, и пискнуть крыса не успеет, как уже в лапах канюка. Редко у него промашка бывает, хотя тоже случается, особенно если канюк молодой, а крыса старая. Раз погнался канюк за крысиной, промахнулся и врезался в окно... Посыпались осколки с обеих рам. За столом семья чай пила. Все обмерли, когда к ним на стол канюк свалился. Но хоть и здорово он ударился, однако нашел в себе силы

повернуть и обратно в разбитое окно вылететь.

Гнездится канюк в тундре или в лесотундре на земле и в скалах. Гнездо его всегда можно обнаружить по беспокойному поведению самки. Ты еще далеко, а она уже кружит над тобой и пронзительно жалобно причитает: «Пи-и! Пи-у! Пи-и! Пи-и!». Похоже, что где-то ребенок плачет. Если не знаешь, кто кричит, даже немного жутко делается.

В гнезде с подстилкой из травы или сучьев сидят два — три, а в иные годы — до семи птенцов. Отец и мать ловят им почти одних леммингов. Этих зверьков ловить просто не только канюкам и совам, но и людям. Они очень любопытны и мало знакомы с чувством страха. Отбегут немного, обернутся и смотрят на тебя черными глазами-бусинами: зачем ты в его владениях оказался?

Лемминги встречались нам очень часто. Полярных сов мы видели раза три, когда они красивым белым планером проносились над тундрой. Один раз даже нашли гнездо совы — ямку в земле с единственным белым яйцом. Очень часто мы находили ловушки на песцов — за-

городочки на холмиках из щепок и веток. Сначала ломали головы, пытаясь разгадать, что это такое. Дети оленеводов-хантов в домики играли? Но тогда почему в каждой загородочке лежат кости леммингов? Место жертвоприношений богам тундры, оставшееся от старого времени? Тоже непохоже, больно уж их много, и близко они друг от друга стоят. Только когда пришли в гости к оленеводам, узнали истину. Ловушки действуют только зимой. В середине заборчика укрепляется петля и приманка (вот откуда там кости), и песец, чуя приманку, сам просовывает голову в петлю. Летом у песцов мех некрасивый — бурокоричневый — и их не ловят. Раз мы встретились с летним песцом — он выкапывал что-то у кромки грязно-коричневого, как и он, снега.

МЕДВЕДЬ И БОЛОТО

А вот с медведем нам почти не пришлось встречаться. Нередко на тропинках лежал старый, редко свежий их помет. Еще реже — следы у ручьев на влажном песке или глине. Будто чья-то здоровенная босая ступня, только отпечатки когтей уж никак на человеческие не похожи.

Как-то в лесотундре была у нас одна интересная встреча. Шли мы с геологом Лешей длинной дорогой по просеке. Ели кругом, низкорослые березки, сосны, лиственницы, местами и совсем открытое пространство — болото километра на три. Все вокруг синее от голубики и черники, а пригорки красные от брусники. Глянул Леша на это богатство и говорит: «Знаете, сколько тут медведей бывает?» И пошел рассказывать одну историю за другой. Хоть знаю его давно как выдумщика, но кое-что из его рассказов невольно в душу западает. Посмеиваюсь, а сам невольно думаю: а вдруг?

Вечерело, уже пень вывороченный стал пугать: может, и не пень вовсе? .. А до поселка еще километров двадцать по болотам тащиться. Леша говорит:

— Знаю, тут недавно на нефть бурили, кажется, разведчики свои домики еще не забрали.

Свернули мы, прошли немного. Верно, стоят три тракторных домика-балка. Людей уже нет, но внутри кровати железные, столы, табуретки, печки.

Растопили мы печку, наносили дров, сварили котелок похлебки. Веселей жить стало. На улице ветер поднялся, дождь пошел, а нам тепло и сухо. Прилегли. Леша еще пару историй рассказал, и мы уснули.

Проснулся я от скрежещущего звука, будто кто-то за струну дергает: «цзынь-цзынь-цзынь». Лежу слушаю. Верно. «Цзынь-цзынь-

цзынь». Совсем темно. Дрова давно прогорели, и печка остыла. Встаю тихонько, подхожу к окошку. Там в балке два маленьких окошка было. «Цзынь». Глянул — медведь! Стоит на задних лапах эдакая громадина и когтями лист железа дергает. Лист этот от угла балка оторвался. Потянет и отпустит. «Цзынь». А медведь голову набок наклонит и слушает. Я стою ни жив ни мертв. Оружия у нас никакого: два перочинных ножа и топор без топорща, который в балке был. Медведь вдруг к двери подошел и как дернет! Хорошо, что мы в ручку двери лом засунули. Весь балок вздрогнул. Медведь еще разок дернул... Лешка храпит себе как ни в чем не бывало! Увидел медведь, что дверь не поддается, и к окошку. Весь просвет закрыл огромной мохнатой башкой. Тут я не выдержал, как заору:

— Лешка! Медведь лезет!...

И проснулся. Оказалось, что все это сон был. Лешка долго хохотал, когда узнал, в чем дело. Сели чай пить. Утро уже настало. И вдруг: «Цзынь, цзынь». Лешка даже чаем подавился. Выбежали мы оба из балка. Ветром провод оборвало и об железную трубу стучало...

Но медведя мы все же в тот день встретили. Переходили одно зыбучее болото по чьим-то следам (думали — охотник прошел) и чуть на дно не ушли. Сильно качалась тонкая плавина из светло-зеленого мха над холодной-холодной водой.

Провалился я, воды в сапог набрал. Только вылез, снова провалился, уже обеими ногами, по пояс и никакого дна под собой не чувствую, чистая вода, только на руках держусь. И тот, кто впереди нас прошел, тоже много раз проваливался: туда-сюда мох раскидан. Лег я на живот. Мокро, противно, но ползу. Лешка на меня глянул и хохочет:

— Ну прямо медведь!

Он легче меня был, и его плавина держала, но как только смеяться начал, мох под ним тоже разошелся и—бух! Провалился и Леша. Тут и я засмеялся. Лежим, смеемся, а плавина под нами вся дрожит, вот-вот не выдержит! И чего мы смеялись? Ведь запросто могли утонуть там в своих тяжелых резиновых сапогах, в плащах, с мешками камней за плечами. И никто бы нас никогда там не нашел, на дне заросшего мхом озера. Но так уж человек устроен, не может не смеяться, когда смешно! Словом, едва выбрались. Сели на берегу и стали выжиматься. Сижую, выкручиваю портянки и смеюсь, не могу остановиться. Поднял случайно голову. Медведь! Настоящий, живой, черный. Мчит мимо нас во весь дух галопом метра в двадцати.

— Лешка! — захрипел я.

— Что? Опять медведь?

— Медведь...

Лешка затрясся от хохота и упал на спину, дрыгая босыми но-

гами. Едва я его успокоил и показал медвежий путь. Только тут он поверил.

— Вот какое дело, — говорит. — Значит, болотину-то мы по его следам переходили...

АЛЬПИЙСКАЯ МЕДВЕДИЦА

Конечно, наш Север сейчас совсем не тот, каким он был лет 20 назад. Огромные просторы тундры, долгое время остававшиеся в покое, теперь начинают отдавать свои скрытые богатства человеку. Трудно сейчас, пропутешествовав несколько дней далеко за Полярным кругом, не встретить людей — геологов, геофизиков, географов, ботаников, охотников, просто туристов. Выросли в тундре новые поселки и города, протянулись дороги — вездеходные, железные, воздушные. Встали копры угольных шахт, ажурные нефтяные и разведочные вышки. Взбираешься на какую-нибудь дику вершину, думаешь, что, наверняка, ты первый, а нет! Стоит уже там металлический знак топографов — ребристый барабан на треножнике!

И все же пространства тундры и Полярного Урала настолько велики, что сплошь и рядом сохраняются громадные заповедные места, где растения и животные живут так же, как и сотни лет назад. К новому для них соседству человека они довольно быстро привыкают и приспосабливаются.

Звери относятся к человеку с большим любопытством и, если он их не трогает, то даже весьма благожелательно. Геологи рассказывали, как однажды за их вездеходом увязался медведь. Вездеход едет, и медведь за ним бежит. Вездеход остановится, — и медведь остановится, сядет и смотрит. Совсем близко. Ружей ни у кого не было, да и к чему просто так зверя стрелять? Но никто, конечно, из вездехода к медведю не выбирался. Все же зверь — зверь и есть. Может, у него самые мирные намерения, а ведь сила-то не какая-нибудь, а медвежья! Вон какие валуны в горах запросто ворочает — шесть человек не стронут! Обнимет тебя дружелюбно, по-медвежьи, а из тебя дух вон!

Кроме того, хотя медведи питаются самой разнообразной вегетарианской пищей — насекомыми, плодами, кореньями, ягодами, — некоторые из них предпочитают мясо, за что зовут их стервятниками. Охотник Прокопий Феофанович Рочев рассказывал, что в деревне Петруне на реке Усе медведь за одну ночь зарезал и закопал в песок 17 коров! Медведи предпочитают не совсем свежее мясо, поэтому часть добычи закапывают. Когда она начинает портиться, приходят и поедают.

Охотники долго гонялись за этим медведем, но так и не смогли найти его и застрелить. Сам Прокопий Феофанович видел однажды, как медведь напал на стадо оленей. С ревом вбежал в стадо на задних

лапах, а передними бил в обе стороны, как попадет по оленю — полбока нет...

Но мы на Полярном Урале медведей не ловили. Мы собирали бабочек, жуков и других насекомых. Очень они там интересные. Раз подвезли нас геологи к самым горам. Вездеход взревел на последнем крутом подъеме и смолк. Вылез я из него, разминаю ноги, смотрю — альпийская медведица! Сидит на камнях. Прямо у ног. Нет, не косматый зверь, а бабочка. Крупная, красивая, с белыми, желтыми, красными, черными узорами на крыльях. Гусеница у нее мохнатая, в густых длинных волосках, совсем как медведица! Я очень обрадовался. Такой бабочки в моей коллекции не было, и в нашей республике она еще была не известна.

Медведицы очень яркие бабочки, особенно красочно выглядят они среди суровой природы северных гор. Им не страшны холода, и короткое лето вполне достаточно для развития. Не успела гусеница окуклиться, — не беда! И так перезимует. Весной еще подкормится, сплетет где-нибудь под камнем кокон, укрепив его шерстинками, вырванными из тела, и станет в нем куколкой. Сначала розовой, хорошо видной сквозь ткань кокона, а через несколько часов потемнеет и уже станет незаметной. В конце второй недели выйдет из куколки бабочка.

Хорошо приспособленные к холодному климату, эти бабочки живут далеко на севере и высоко в горах. На разной высоте, в разных горах встречаются различные бабочки-медведицы. Только бы нашлось кормовое растение для гусениц. Есть растение — есть и бабочка. Однако случается, что растение есть, а бабочки нет. Значит, ей какие-нибудь условия оказались неподходящими.

Очень интересные бабочки на Полярном Урале, дальше мы еще немного о них поговорим. А сейчас мне хочется вспомнить еще один случай про настоящую медведицу.

Геологи нас предупредили: «Смотрите, ребята, осторожнее своих бабочек собирайте, тут вчера медведя видели». Ну, мы не очень им поверили. Решили — разыгрывают. Забрались в гору, стали спускаться на плато. Несколько мальчишек, шедших впереди, вдруг радостно закричали: «Медведы!»

— Утка летит! — презрительно сказал кто-то.

— Какая там утка?! Вон по тому склону медведь идет и камни переворачивает! Мы его еще с вершины увидели!

Однако сколько мы ни всматривались, никто ничего не разглядел. Пошли дальше, уверенные, что почудилось, и вдруг — столкнулись с медведем чуть ли не нос к носу! Ветер дул на нас, и медведь нас не почуял, к тому же он был очень занят — собирал под камнями жуков. Мы тоже собирали жуков и, как и он, смотрели себе под ноги.

До медведя оставалось метров пятнадцать. Он усердно трудился

над крупным валуном, толкнул его с места, поднял голову, заметил нас и... резко повернувшись, пустился наутек!

Я не успел удержать ребят. С криками «Ура! Медведь!», щелкая затворами фотоаппаратов и нажимая на спусковые кнопки кинокамер, восемнадцать мальчишек и девчонок кинулись в погоню за удиравшим медведем. Мне ничего не оставалось, как присоединиться к ним.

К нашему счастью, медведь сильно испугался и развил такую скорость, что вскоре мы потеряли его из виду среди крупных глыб на плато. Остались нам на память только следы на снежнике, достигавшие почти 30 сантиметров в длину.

КАК НАСЕКОМЫЕ КЛИМАТ ПОБЕЖДАЮТ

Мы уже говорили, что зверей спасает от холода их «шуба», а как побеждают климат насекомые?

У некоторых насекомых тоже есть густая «шуба». И альпийская медведица, и очень красивый уральский аполлон — белая бабочка с красными пятнами на крыльях, перламутровка евгения и многие другие покрыты густыми длинными волосками. И еще на время плохой и холодной погоды они находят себе убежище. Горные бабочки, как ящерицы, забираются в норки, в пещерки, под камни не только в плохую погоду, но и ночью — поспать. Многие горные и арктические животные носят шубки темного цвета. Их лучше нагревает солнце. Даже бабочки-брюквенницы, белые в лесной зоне, становятся на севере темноватыми и совсем почти черными! И, наконец, насекомые, подобно высшим животным, могут регулировать температуру своего тела.

Сидит бабочка-бразник неподвижно — и температура ее тела не поднимается выше 19° , а начнет усиленно махать крыльями, и уже через три минуты температура подскочит до 30° ! У ночных бабочек днем температура тела почти такая же, как и у воздуха, а вечером сразу подскакивает до 36° — 40° .

Благодаря этому своему свойству насекомые летают даже на морозе! Во многих местностях, даже в городах, в феврале и в марте в солнечный день на улицах летали бабочки-крапивницы при морозе в 15° — 17° и даже 25° ! Конечно единицы. Так, животные, которых мы привыкли считать «холоднокровными», вдруг становятся «теплокровными». У границы снега на высоте 2300 метров температура воздуха была 4° тепла, а у шмелей температура тела достигала 44° ! Поэтому шмели летают даже в метель.

Насекомые могут и уменьшать свою температуру. Поэтому у живых насекомых на солнце температура всегда ниже, чем у мертвых, хотя лучи греют их одинаково.

Если какое-нибудь насекомое встречается на больших террито-

риях, то всюду оно старается выбрать для себя места с похожими условиями жизни, хотя на первый взгляд эти условия и кажутся очень разными. Например, черный садовый муравей в открытых, хорошо прогреваемых солнцем местах живет в земле, не строя никаких надземных сооружений. Там же, где почва частично затемнена, он строит земляные холмики. Разгадка в том, что холмики лучше греются солнцем и чем выше окружающая трава, тем выше строятся холмики. А самую ближнюю траву муравьи даже «выпалывают». В густом лесу, где солнечные лучи не достигают поверхности земли, холмики вовсе не строятся, а гнездятся муравьи в гнилой древесине, которая гораздо теплее почвы. Выходит: как будто и разные совсем условия, и вместе с тем для муравья-то они одинаковые. Температура и влажность в его жилищах и на открытом месте, и в тени, и в лесу одна и та же.

У КАЖДОГО ЗВЕРЯ СВОЕ МЕСТО

Отправляясь на экскурсию, мы знали, где и кого можно встретить, кто где любит держаться. Быстрые белянки-каллидик летали только вдоль насыпи железной дороги, метров на триста с обеих сторон. На той же железной дороге, в тех местах, где она становилась более низкой и следовательно более прохладной, их не было. Белянки летали только вдоль «своей» территории, точно прикованные к ней. Преследуемые и спугнутые они делали круг и снова возвращались на свою обожаемую насыпь.

Летали они быстро. Двенадцать человек с сачками, двигаясь цепью, целый день устраивали облавы, засады, гонялись за ними, развивая космическую скорость. Все напрасно. Нам досталось три покалеченных экземпляра. У одной имелось всего три крыла, четвертое не развернулось при выходе из куколки, у другой — крылья от старости превратились в зубья пилы, и только третий экземпляр, видимо по чистой случайности, оказался хорошим.

Гораздо проще было охотиться на аполлонов, хотя и они любили выкидывать «трюки». Аполлоны летали по всей тундре, но больше всего придерживались ущельев-каньонов с крутыми каменными стенами. Посидит аполлон на камнях, прогреется на солнце, потом снимется и планирует вниз, словно белый листок бумаги. Никакой торопливости, никакой стремительности, все спокойно и важно. Но эта плавность его полета не была медленной, она скорее казалась такою. Неверный взмах сачка, — и аполлон понесся прочь зигзагами в гору! Не догонишь. Лучше всего подкрадываться к нему, когда он сидит на цветах и сосет нектар. Тут он менее осторожен — выставит свои яркие красные пятна на белых крыльях, как сигнал «стоп», и надеется, что его не тронут. Яркая окраска — признак несъедобности или ядовитости

насекомых. Схватит птица — все равно выплюнет, второй раз не прикоснется. А аполлону ничего, он очень живучий. Если его поймать, он целый месяц может жить без еды в бумажном пакетике.

Летом на Полярном Урале цветов очень много. С июля уже совсем тепло, гремят над тундрой грозы, стоят жаркие дни. Цветут купальницы, такие же как в тайге или под Ленинградом, только головки у них поменьше. Но есть и совсем другие цветы. Нам очень запомнились синие горечавки, желтые югорские маки и розовые гвоздики. Росли они по сухим каменистым местам вдоль железной дороги, как бы окаймляя ее удивительным желтым и розовым бордюром. Мы много дней любовались этой красотой, а перед отъездом, вздохнув, взяли ножи и груды пустых консервных банок из-под сгущенного молока. Букеты — вещь недолговечная, а нам хотелось привезти родным живой привет с Уральских гор. Как могли осторожно, мы выкопали и посадили несколько цветов в банки. Они благополучно пережили поездку и почти два месяца цвели у нас на окнах. И если добавить чуточку фантазии, то можно было, глядя на них, вообразить себя в недавно покинутых горах. Помогала этому и коллекция насекомых. За стеклами стояли нежно-лазоревого бабочки — голубянки-эрос, постоянные спутники розовой гвоздики и югорского мака. Противостоя сильному ветру, эти бабочки строго держались цветущих кустов гвоздики. Мы их вполне понимали: с такими красивыми цветами жаль было расставаться надолго.

САМЫЕ НЕПРИХОТЛИВЫЕ

Говоря о выносливости северных животных и растений, нельзя не рассказать хоть немного о лишайниках.

Всюду, где только отступают снега и льды, начинается жизнь. Первыми на освободившихся камнях поселяются водоросли, вторыми — лишайники. Им нужно вовсе немного — место, куда бы они могли прикрепиться; пищу они добудут себе сами. Кто сумеет питаться камнем? Никто! А лишайники могут. Они вырабатывают кислоты, которые понемногу разрушают и высвобождают необходимые им минеральные соли. Лишайники, селящиеся на камнях, называются накипными. И действительно, более меткого названия трудно придумать! Они составляют с камнем как бы одно целое — их от него ничем не отделить, и в коллекциях они так и хранятся — вместе с образцом породы.

Бывают лишайники самых разных цветов: черные, серые, зеленые, желтые, красные, оранжевые. Издали посмотришь на гору — вся зеленая, думаешь, что она из зеленых пород минералов, а нет! Это лишайники облепили все камни. Другие лишайники — кустистые, один из них это и есть знаменитый «олений мох» — ягель. И латинское название

его такое же: «кладония рангиферина». «Рангифер» — это олень. На Земле всего 16 000 видов лишайников, из них немалое число растет и в лесах.

Трудно представить себе наши леса без мхов и лишайников — неотъемлемого элемента ландшафта. Кроме «оленьего мха», там растут еще боровые трубки. В период плодоношения на верхушках трубочек у них появляются красные пятна спор. Не только на почве, но и на ветвях елей и сосен часто висят гирлянды черных и зеленоватых боро-датых лишайников, на стволах берез и осин немало плоских слоевищ ясеневоего лишайника и стеной золотянки.

Лишайники так обширно представлены потому, что очень неприхотливы и состоят сразу из двух растений: гриба и водоросли, тесно соединенных между собой. Зеленые водоросли, улавливая углекислоту из воздуха, перерабатывают ее с помощью солнечной энергии в сахар и другие органические вещества. А гриб использует часть этих продуктов для питания и в свою очередь снабжает водоросли водой и минеральными солями, добываемыми из почвы, коры деревьев или из камня.

Лишайники зимой — почти единственная пища для северных оленей. Но и летом, хотя они только «приправа», играют важную роль. В них есть кислоты, которые не дают развиваться у оленей кишечным болезням.

В Швеции, Норвегии и Финляндии лишайники используются как добавка к сено и другим видам кормов для свиней, коров и лошадей. Подобные опыты делались и у нас, и не без успеха.

Лишайники едят и люди, особенно в виде примеси к муке и другим пищевым продуктам. В Исландии местное население даже предпочитает мучные изделия, содержащие лишайник «исландский мох». Полярные путешественники при отсутствии продуктов по несколько дней питались лишайниками.

— А мы чем хуже? — спросила Света Рулева. — У нас тоже продукты кончились. Давайте лишайники пожуюм?

Но в Швеции и в Северной Америке есть лишайник ритидолуон, содержащий ядовитую вульпиновую кислоту, который местные жители используют как отраву для волков.

— Здесь есть этот ритидолуон?

— Нет, пока не найден.

— Так попробуем, а? . .

Мы сорвали по кустику ягеля и начали жевать. Ничего, оказалось вкусно, немного кисленько и все. Вслед за нами потянулись к лишайникам и другие. Всем понравилось и на желудках никак не отразилось. Только жевать его нужно было долго: один кусти-к минут пятнадцать. Веточки очень эластичные, как резина. Челюсти устают.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ

Чего мы только не ели в своих странствиях! Но все это было добровольно, и лишь комаров и мошек нам приходилось есть принудительно. Комары и мошки и в тайге, и в тундре всегда бывали первыми представителями местной фауны, с которыми мы знакомились. Комары просто жить без нас не могли, хотя мы без них обходились отлично. Себя еще от этих кровососных мучителей мы спасали зажигая дымокуры, надевая сетки-накомарники, обмазываясь антикомарином, но еду убереечь не было никакой возможности. Густой толпой комары лезли в суп, падали обваренные в кашу, плавали в чае. Вынимать их было бесполезно, на место одного вынутого падало десять новых, и волей-неволей приходилось мириться с этой добавкой.

Днем мы еще комаров терпели, а вот ночью, в палатках, комары устраивали нам веселую жизнь.

В спальнях мешках жарко. Чуть рука высунулась — агрессор тут как тут. «Пи-пии!» Хлоп! Хлоп! Потеряешь терпение, начнешь их бить, видишь — все не убавляется. Хватаешь сачок. Скоро сачок темнеет от давленных комариных тушек, можно их насыпать в коробки и взвешивать...

Кажется, внутри палатки все изничтожены, только снаружи бьются в брезент тысячи новых кровопийц и звенят «укушу-у-у, укушу-у-у».

Словно против нечистой силы, обведешь окна и двери гексахлорановым карандашом и мазью «Тайга». Все равно пролезут, и через час-полтора опять просыпайся...

А как достается зверям и птицам! Оленей из-за комаров часто перегоняют с места на место. Комары могут оленей до смерти заесть. Дикие олени из-за комаров откочевывают к океану или забираются поближе к вершинам гор. И домашних временами тоже туда отгоняют. Там ветер, а ветра комар не любит. В траве отсиживается. Когда дует ветер, мы гуляем без накомарников и радуемся.

В одном пустом домике мы еще днем тщательно заделали все щели в окнах, входя и выходя, очень быстро открывали и закрывали двери, а толпы врывающихся при этом комаров решительно и быстро уничтожали. Тем не менее через час — полтора в домике становилось невозможно жить из-за укусов! Откуда же они проникают?

Вспомнили, что в таежном поселке, когда мы ночевали в клубе, комары пробирались к нам через окошечко для демонстрации кинофильмов. Но никаких окошечек в этом домике не было. Никаких незаткнутых щелей не оставалось. А комаров тем не менее тьма!

Наконец, доведенный до отчаяния этими непостижимыми нападениями комаров, один из мальчиков выбежал на улицу, и оттуда раздался его неожиданный радостный вопль:

— Вот они откуда к нам лезут, скорее сюда!

Мы тоже выбежали. Над крышей нашего домика висело облако комаров, похожее на облако дыма, и... понемногу втягивалось в печную трубу!!!

ДОЛГОНОЖКИ

Когда люди начали изучать комаров, то выяснилось, что на земле существует не меньше 80 000 видов комаров и мух, а в СССР 20 000 видов, из которых в тундре не меньше 3000. Комары живут всюду и всегда. Даже зимой. Есть зимние комарики, встречающиеся с осени до весны и роями, и отдельными экземплярами, на снегу или около снега. В апреле — начале мая, когда стает снежный покров, появляется много разных комаров, в том числе и кусачие — довольно большие серые комары-теобальдии. В июне вылупляются из куколок несметные полчища комаров-кулексов и аедесов. Они-то и образуют те звенящие, шумящие тучи, которые даже лосей и медведей загоняют в озера и реки, по самые уши и нос.

Но не со всеми комарами мы обращались одинаково. Некоторых ловили и очень осторожно и бережно укладывали в пакетики. Это были комары-долгоножки, смешные громоздкие существа, для человека совсем безвредные и тем не менее за свою величину заслужившие название «малярийных». Так уж повелось с древних времен, что люди ожидали нападения и опасности со стороны крупных животных, а маленьких считали недостойными внимания. Между тем как раз малярийный комар — маленький, с обычного кусака величиной. Так же, как знаменитая муха цеце лишь немного больше комнатной мухи и такая же серенькая.

Долгоножки пьют только цветочный сок, но личинки некоторых из них подгрызают корни у сельскохозяйственных растений. Вот мы и собирали их для ученых.

Два вида наших долгоножек очень похожи на ос и формой тела, и окраской, и даже повадками. Такого комара не сразу и схватишь — боязно: вдруг это все же оса? Есть и мухи, по форме тела и окраске напоминающие ос, пчел, шмелей. Помню, поймал я как-то такую муху-осовидку, а дома она у меня из коробки вылетела. Смотрю — бегаёт по окну оса, да ещё какая здоровая. Я за носовой платок. Нет, пожалуй, прокусит. Схватил полотенце. Поймал, а это моя же муха, которую сам всего лишь час назад принес! Такое сходство не только спасает этих насекомых от врагов. Некоторые мухи-шмелевидки — паразиты шмелей и пользуются своей внешностью, чтобы проникать в их гнезда и откладывать там яйца. Ну, а похожие на ос долгоножки таким обманом только спасаются от врагов. Паразитов других насекомых среди них

неизвестно. Есть у них и еще одно средство защиты — их ноги. С первого взгляда ноги у них очень неуклюжие, длинные, «складные», торчат во все стороны. Вот это-то и защита. Как ни хватай долгоножку, а первое, за что схватишь, — нога. Она легко обрывается, а комар улетает — у него еще пять осталось! Некоторые незадачливые долгоножки встречались мне и с тремя, а то и с двумя ногами. Конечно, жить им труднее, чем шестиногим, но все же можно. Тем более, что взрослые живут не очень долго — отложил яички и умер.

Как и все другие комары, долгоножки ветра не любят, предпочитают для полетов тихие дни.

ГРОЗА В ТУНДРЕ

В тундре силен не только ветер, в тундре страшен не только мороз, страшна в тундре и гроза. Резко происходит перелом от весны к лету. Ударяет вдруг жара, стягиваются к горным вершинам отряды облаков, заволакивается мглой даль и... пошло! Грохот грома, врезающиеся в землю молнии, потоки дождя... И некуда бедному чело-

веку деться — никакого укрытия, не спрячешься же в кустиках карликовой березки!?

Помню, одна такая гроза захватила нас, когда мы возвращались с геологами из дальней поездки на склад взрывчатки. Вездеход — это металл, вездеход — это самая возвышенная точка среди тундры... А в кузове ящики с динамитом...

Необычная дневная мгла то и дело озарялась синеватым и беловатым блеском молний. Некоторые ударяли так близко, что отчетливо был слышен треск и шипение, с которым они касались болотной воды. Затем мгновенно все это заглушал дикий раскат грома. Почему-то казалось, что он придает свету красноватую окраску. Потом хлынул ливень такой силы, что наша дорога сразу превратилась в реку. Край брезента кузова под напором ветра прогнулся внутрь, и с него прямо в наши сапоги ударил поток воды. Сапоги стали ведрами... И снова молния, снова гром, и сквозь заднее стекло кабины — бледное лицо геолога, держащегося за карман, в котором лежали детонаторы...

Когда стихло, стал слышен другой звук — надрывный, уверенный рев вездехода, преодолевшего и стихии, и тундру.

И стучаясь о борта вездехода, цепляясь за динамитные ящики, я вспомнил стихотворение нашего поэта Геннадия Юшкова:

Здесь мох и ржа болот пропащих,
За водоемом водоем.
Но трактор трубы взял и тащит,
Ползет огромным муравьем.

И мы за ним бредем сурово,
Хотя сошло с нас сто потов...
От комарья спасаясь злого,
Я сам себя поджечь готов.

Они звенят, вливаясь в кожу,
Они висят вокруг, как чад,
И лезут в нос и рот...
И все же
Идут строители, молчат.

Они еще пробьют здесь трассу,
Еще добудут нефть и газ...
Грохочет трактор час за часом,
И мы бредем за часом час.

Болота. Ржавые протоки.
Кусты-уроды. Черный мох...
В пути слагал я эти строки,
И вот закончить я не смог их
И дать название им не смог...

Да, люди все больше и больше покоряют и переделывают тундру. В самом центре города Воркуты было огромное болото — свалка. Реши-

ли на этом месте построить городской парк с озером. И построили. Двадцать четыре тысячи кубометров грунта поглотило тундровое болото. Тысячи кубометров вечномёрзлой глины подняла в воздух взрывчатка со дна будущего озера. И вот берега его уже одеты в бстон. Построен и парк, удивительный парк в условиях Заполярья, в котором, кроме полярных ив и берёзок, скоро будут расти елочки и черемуха. И если сейчас ещё группы школьников приезжают иногда на зимних каникулах из Воркуты в Ухту, чтобы посмотреть на настоящую елку и потрогать своей рукой ее иголки, то скоро для этого юным воркутянам достаточно будет просто прогуляться в свой парк.

ЧЕМ ЕЩЕ БОГАТА ТУНДРА

Мы не раз встречали в тундре геологов и геофизиков. Что же они там делали? Да то же, что и везде, — искали полезные ископаемые.

Ещё в XVIII веке русский академик И. И. Лепехин посетил реку Печору и Усу. И впоследствии рассказал о медных рудах, обнаруженных в 250 километрах от села Усть-Цильма. В первой половине XIX века стали известны выходы каменного угля по берегам рек.

В 1857 году Морское ведомство, нуждавшееся в каменном угле для Архангельского порта, направило на Печору специальную экспедицию во главе с инженером Антиповым. Экспедиция прошла по всем известным месторождениям и открыла несколько новых, но вывод оказался неутешительным. Даже лучшие из этих месторождений содержали слишком мало угля, чтобы начать его разработки. И ещё почти 70 лет тундра хранила свои тайны.

Но геологических партий появлялось в ней все больше, особенно после установления в нашей стране Советской власти. И вот упорный труд геологов, наконец, дал результат! В 1930 году геолог Георгий Александрович Чернов открыл в глухой Большеземельской тундре на берегах реки Воркуты первое промышленное месторождение хороших углей. Потом были найдены и другие. Запасы угля в тундре были оценены в миллиарды тонн. И с 1931 года началась их разработка.

Уже тогда планировали добыть в Печорском угольном бассейне несколько сот тысяч тонн различных углей не только высококачественных, но и бурых.

Дороги к углю тогда были очень тяжелые. Только по воде — по рекам. Не везде могли проходить пароходы. Приходилось впрягать лошадей и тянуть тяжелые баржи волоком. Иногда и сами люди, как бурлаки, тащили эти баржи.

Найти даже очень богатое месторождение — это ещё не все. Нужно, чтобы можно было легко до него добраться. Доставить людей, нужное оборудование, вывезти добытый уголь...

ПРЕЖНИЕ ДОРОГИ ТУНДРЫ

Г. А. Чернов вспоминает: «Сколько приходилось тратить времени на дорогу от Москвы до Воркуты! До Воркуты, например, в 1930 году пришлось добираться два с половиною месяца. Выехали из Москвы в июне, возвратились в ноябре, и только один месяц работали...»

Попасть на Печору проще всего через Архангельск. От Архангельска морем в низовья Печоры, а по Печоре — парохомом. Начинаясь навигация в июле, а то и в начале августа (до этого Баренцево море было еще покрыто льдами). За месяц пароходы успевали сделать лишь 1—2 рейса.

Другой путь пролегал по трактам Якшинскому и Печорскому — тоже далеко не быстрый и легкий. Поездом до города Пермь, а от него парохомом до города Чердынъ или Нырыба, где и начинался старинный путь чердынских купцов в верховьях реки Печоры.

В более северные районы Печоры вел Печорский тракт, начинавшийся от Усть-Кулома на Вычегде. Тут нужно было ехать до Котласа, затем парохомом до Усть-Сысольска (теперь Сыктывкар) и потом маленьким пароходиком до Усть-Кулома. Затем 220 километров тракта. Первая половина его еще была сносной, зато вторая... Во многих местах четырехколесная телега не проходила, а только двухколесная, да и ту приходилось то и дело вытаскивать своими силами из грязи...

Была еще и третья дорога — старый, заброшенный Усть-Цилемский тракт, длиной 230 километров. Начинаясь от села Койнас на Мезени, он выходил на Усть-Цильму. В летнее время тракт был непроходим, зимой по нему на санях возили дичь, пушнину и рыбу в Архангельск.

Вот и все, что осталось в наследие от царской России молодому Советскому государству.

А как проходили путешествия без дорог, очень интересно рассказывает Александр Александрович Чернов, тоже геолог, отец открывателя воркутинских месторождений.

«Шли очень прямо, как я убедился по компасу. Вошли в густой лес. Почва стала сырее. По дороге убили тетерева. Идти стало тяжелее, да и усталость давала себя почувствовать, ведь за спиной были рюкзаки с образцами пород. Около небольшого болотца присели отдохнуть. Спрашиваю у проводника: «Далеко еще до избы на Илыче?» Подумав, тот отвечает: «Если это болото знакомое, то близко. Если незнакомое — то еще далеко». — «А какое же это болото? Знакомое или незнакомое?» — спрашиваю я. «Не знаю», — медленно отвечает проводник. Очевидно, болото было незнакомое, так как часа через три мы присели закусить около другого небольшого болота, и признаков близости реки и перемены ландшафта не было заметно. «Ну, а теперь как, — спрашиваю я, — далеко до избы?» И слышу ответ: «Если это

болото знакомое, то версты две, а если незнакомое, то далеко». — «Ну, а какое же болото-то?! — уже с некоторым нетерпением спрашиваю я, — знакомое тебе или нет?» — «Не знаю», — флегматично отвечает проводник. — «Куда же мы идем, если ты не знаешь?» — «Пойдем прямо», — уверенно отвечает он. Опять пошли по сырому лесу. Солнце, по видимому, уже склонялось за высокую пармовую гряду, оставленную далеко на западе, когда мы подошли к громадному моховому болоту, шириною не менее двух километров. Наш проводник сказал, что пойдет на ту сторону разведать, какое это болото, и просил обождать. Мы не без удовольствия сели на ствол большой поваленной ели, а он, проваливаясь почти по колено, побрел через болото. Прошло более получаса, когда раздались его громкие призывные крики на другой стороне болота. Мы поняли, что надо идти на зов, откликнулись и побрели по болоту. Когда порядком уставшие мы наконец добрались до своего проводника, стоявшего на месте, он невозмутимо сказал: «Не надо было ехать (то есть идти), болото было незнакомое. Надо ехать обратно. Здесь справа непроходимое болото и слева непроходимое болото». — «Так зачем же ты нам кричал?» — с недоумением спрашиваю я. «Голос подавал», — отвечает проводник. Вера Александровна неудержимо хохочет, а я чувствую раздражение. Возвращаемся через болото и идем дальше цепочкой. Уже стемнело так, что плохо виден идущий впереди. По-моему, уже прошли более трех верст. Проводник говорит: «Постойте, тут близко дорога, затеска, должно, будет». И действительно, он, наконец, находит затеску. Правда, уже так стемнело, что затески ствола от одного дерева до другого не рассмотришь, но мы вышли, к своей радости, на твердую тропу, вдоль которой идет затеска. Мы ощущаем ее своими ногами и осторожно один за другим доходим... до избушки! Мы уже боялись, что придется ночевать среди непроходимого болота».

НОВАЯ ДОРОГА

Конечно, имея такие пути, тундру не освоишь, ее богатства не вывезешь. В 1932 году в Воркуте заложили первую угольную шахту, а в 1934 — уже пустили ее в эксплуатацию. Доставили рельсы и проложили узкоколейный путь от первой шахты до реки Усы. Привезли лес, сколотили бараки для жилья. Появилась первая электростанция... По-немногу в тундре поднимались копры новых шахт, строились новые поселки, прокладывались дороги. Но добываемый уголь все еще отправлялся по узкоколейке до реки Усы, затем по рекам Усе и Печоре до Нарьян-Мара и, наконец, морем до Архангельска. А зимой транспортные связи с Воркутой прекращались...

И вот тогда же, в тридцатые годы, началось строительство желез-

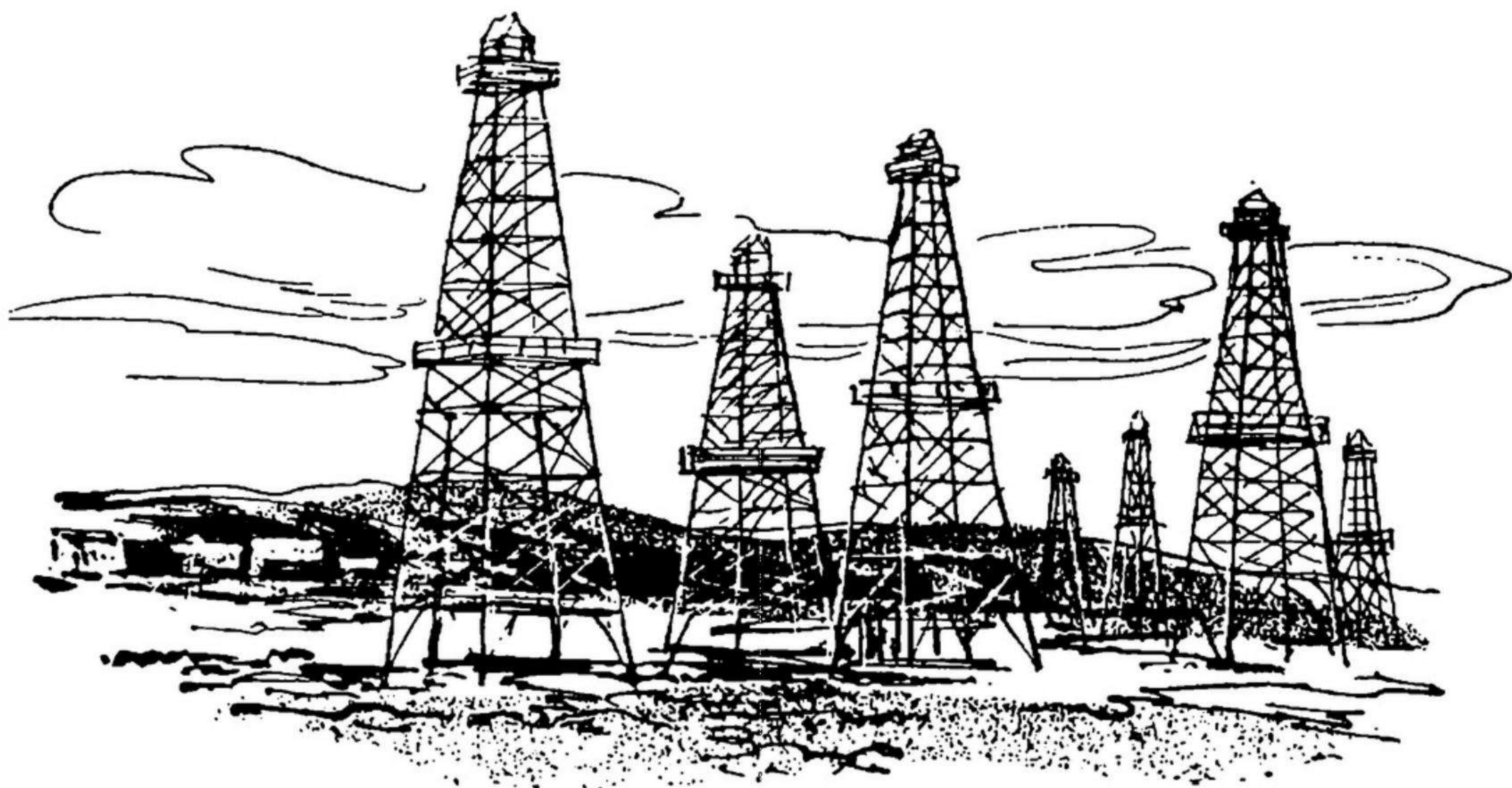
ной дороги Котлас — Воркута. Две тысячи километров. Две тысячи километров подвига. Ведь эта дорога строилась так, как, пожалуй, не строилась никакая другая. Лопата и тачка. Вот и все. Из двух экскаваторов, которыми располагало строительство, только один удалось доставить к месту работ.

Автомашин тоже мало, да были они тогда не очень мощными. Кроме того, чтобы хоть как-то подвозить людей и материалы, вдоль будущего полотна железной дороги приходилось прокладывать автомобильные дороги из бревен — лежневки. И несмотря на все трудности, 7 ноября 1939 года было открыто движение поездов по ветке Айкино — Шэжам — Чибью (теперь Ухта), а 25 декабря 1940 года поезда шли уже на 728 километр от города Котласа до Кожвы (рядом с нынешним городом Печорой).

Началась война. Немцы захватили Донбасс. Еще больше понадобился северный уголь нашей стране. Советские люди сделали почти невозможное. 28 декабря 1941 года в Воркуту, почти на четыре года раньше намеченного срока, пришел за северным углем первый поезд! Первый эшелон угля в тот же день ушел в Москву. И эта дорога стала играть важную роль в обороне страны.

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО ТУНДРЫ

Вы уже догадались, что речь пойдет о нефти? В тундре есть и настоящее «желтое» золото, но его не так уж много, а вот черного золота — нефти — много.

Человек, который впервые предположил, что в тундре есть нефть и газ, уже нам знаком. Это геолог Георгий Александрович Чернов. Еще в 1940 году он возглавлял первую экспедицию, направлявшуюся через тундру, Усть-Цильму и Нарьян-Мар, к побережью Баренцева моря.

И вот в 1961 году из скважины в низовьях реки Колвы забил небольшой фонтан нефти. А позже на реке Шапкино другая скважина дала нефть и газ.

Наконец, 1968 год. В феврале газета «Красное знамя» пишет об открытии в районе реки Усы месторождения «Гигант». Одна из скважин дала мощный фонтан нефти — 800 кубометров в сутки! Этим количеством нефти можно наполнить железнодорожный состав из 32 цистерн, если считать каждую по 20 тонн, или 213 трехтонных автоцистерн!

Геологи и нефтяники подсчитали все запасы нефти на этой площади. Оказалось, подобных месторождений на земном шаре лишь около 15—20, а в Советском Союзе 5—6.

НОВЫЕ БОГАТСТВА — НОВЫЕ ЗАБОТЫ

Чем больше открывается в тундре залежей полезных ископаемых, тем больше возникает и новых поселков, а затем и городов. А это порождает новые заботы. Людям для жизни нужно многое. В нашей стране партия и правительство стремятся, чтобы каждый человек, где бы он ни жил, имел бы хорошее жилье, хорошую пищу... А тундра — это тундра... Полгода — ночь, полгода день... И мороз в июле, и снегопад в августе. И ветер... В Воркуте построили теплицы и оранжереи. Тоннами выращивают в них огурцы, помидоры, лук, салат и цветы. Но траву, обыкновенную траву в теплицах растить — дорогое удовольствие, и слишком большими они должны быть.

Трава нужна для коров, потому что ведь молоко тоже нужно людям. Особенно шахтерам, особенно в тундре.

Олень ест мох, лишайники, траву, листья и ветки кустарников. Может быть, и корова все это в тундре тоже будет есть? Да, во многих северных странах лишайники заготавливают на зиму как сено и добавляют в корм коровам. Сначала коровы едят лишайники неохотно, потом понемногу привыкают. Но от одних лишайников коровы болеют и погибают. Едят они охотно и ветки ив с листьями, но опять только как добавку к траве. Значит в тундре нужны луга.

А есть ли в тундре луга и луговые травы? Есть не только луга, но даже и степи. Только очень маленькими участочками — от одного до нескольких десятков квадратных метров, реже — больше. И вот ботаники Коми-филиала Академии наук начали работать в тундре и возде-

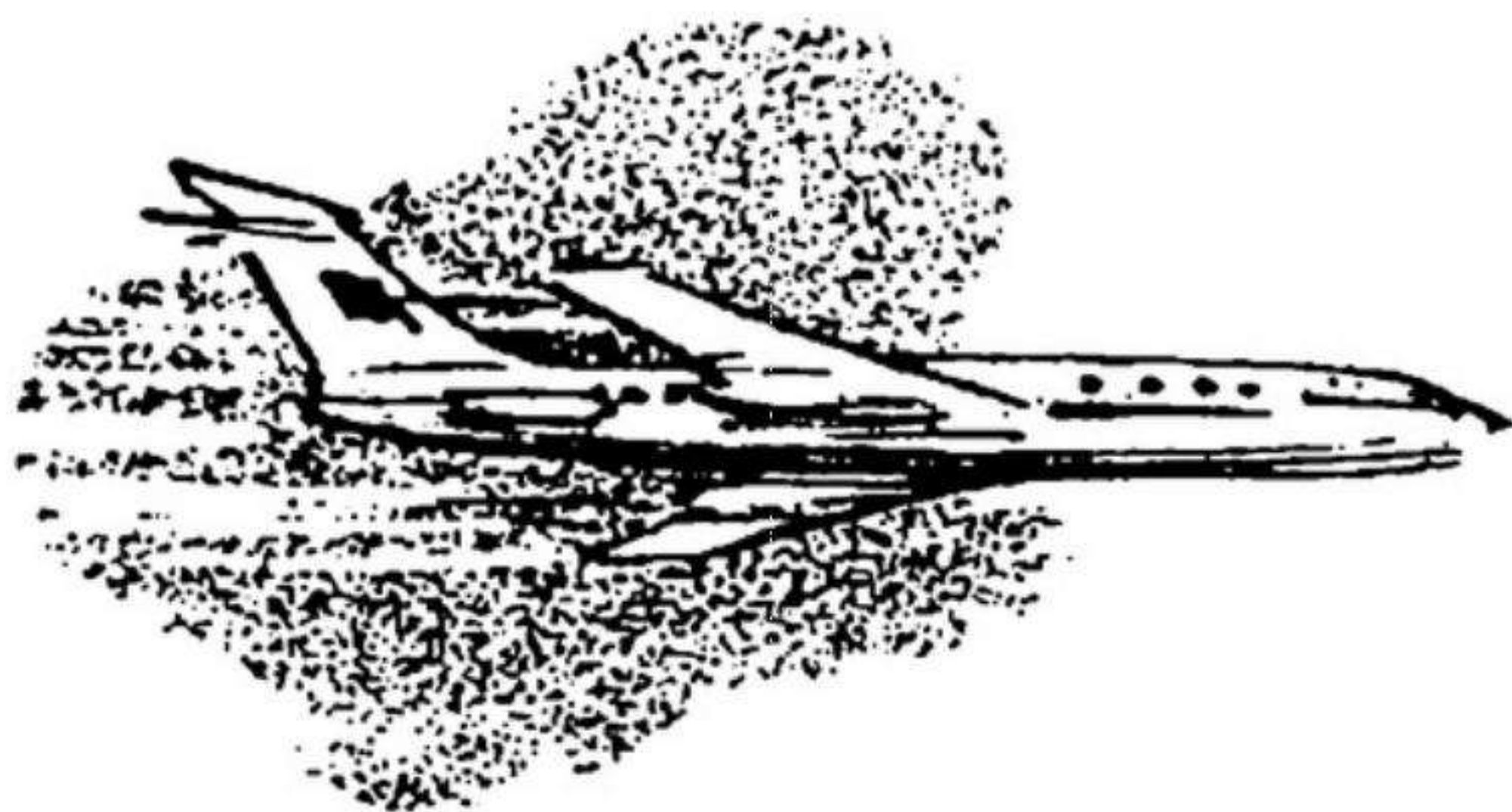
лывать там луга. После многих опытов, после многих лет работы ботаник И. С. Хантимер со своими помощниками выяснил, что в тундре вполне могут быть луга с высокими травами. Работа по устройству лугов небольшая. Трактор должен срезать кочки (иначе потом нельзя косить), и нужно еще внести удобрения. Посеянные семена иногда не сразу всходят. Иной раз лежат и два года. Но все равно урожай трав получается хороший — до 38 центнеров сена с гектара, а стоимость его — копейки.

В 1966 году Нарьян-Марская опытная станция начала использовать опыт ученого на практике и удобрила с самолетов уже 600 гектаров тундровых лугов.

ДО СВИДАНИЯ, ТУНДРА!

Всюду, где мы побывали, мы оставляем частицу своего сердца. Так и здесь. Покидая тундру, покидая места, где начинается тайга, мы ощущаем нежность и интерес к этой странной стране, где грибы выше леса, а цветы цветут подо льдом. Где летом — сплошной день, тысячи птиц выводят птенцов, земля покрывается желтыми и красными пятнами цветов и в воздухе носятся над нами яркие бабочки. А зимой — ночь, мороз, ветер, пурга, горы снега в несколько метров... Страну, где уже есть и современные города и еще встречаются берестяные чумы пастухов-оленоводо-в. Где рядом с палатками геологов и геофизиков бродят непуганные медведи...

Мы можем улететь самолетом, можем уплыть на катере по могучим рекам, можем уехать и поездом. Выбираем поезд. И когда за окном вагона начнут уходить назад приземистые горы Полярного Урала, мы увидим, как постепенно начинает вставать лес, как сначала по долинкам, а потом и на ровных местах все выше и выше будут поднимать кудрявые головы березы, низкорослые корявые елочки сменяются могучим строем зеленых великанов, появятся светлые сосны, веселые осинки. Это уже окраина великой тайги.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТАЙГА МОЯ

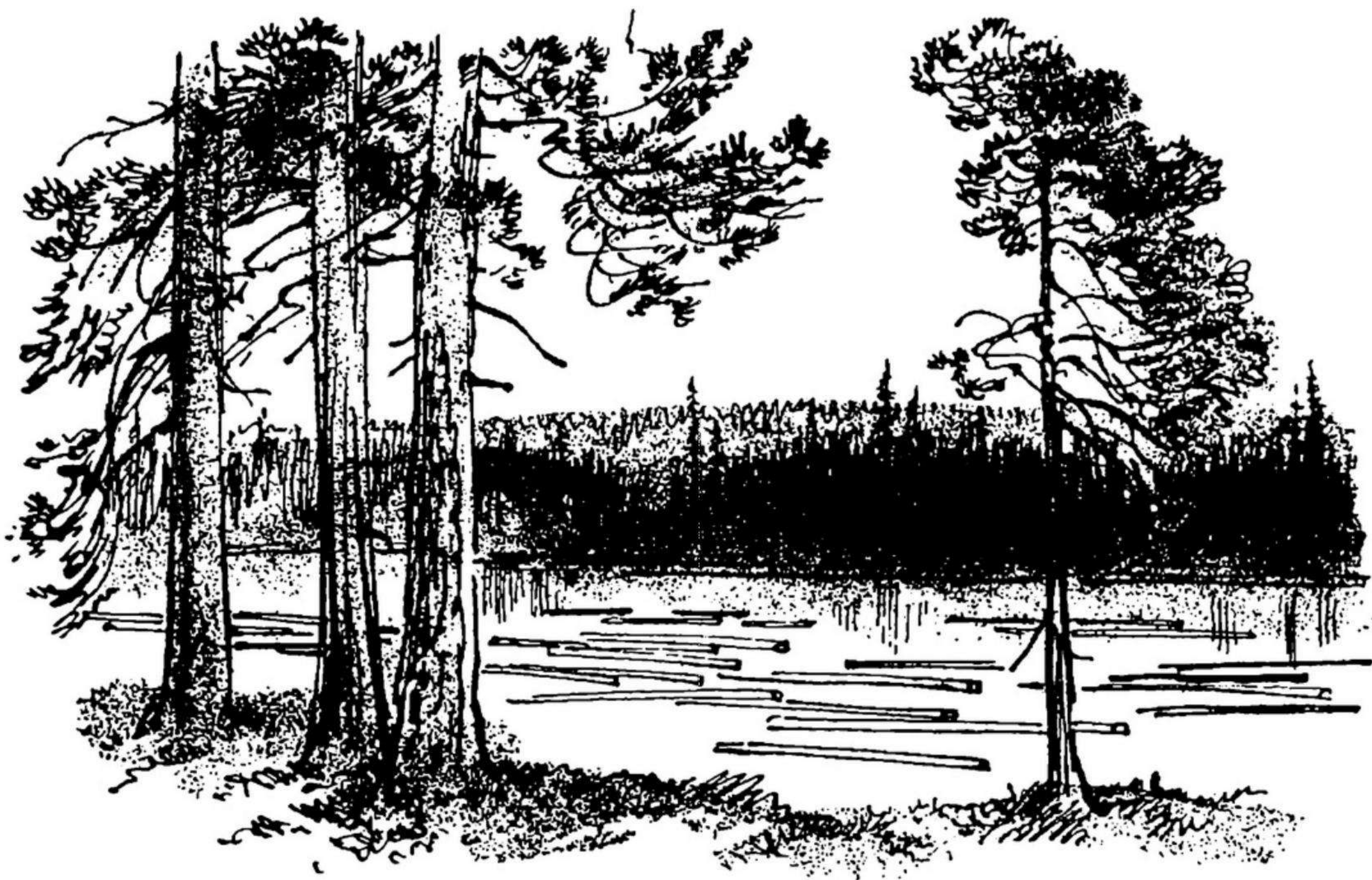
... Машина идет на Ухту без посадки,
Дымится костер у безвестной палатки,
А завтра поселок мелькнет под крылом!

Вас. Журавлев-Печорский

... В глуши таежной маки расцвели,
Глядишь на них, не отрывая взгляда.
Не ожидал от северной земли?
Но удивляться этому не надо.
Еще какие встретятся цветы,
Еще замрешь от изумленья ты!

Вас. Журавлев-Печорский

ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО ТАЙГИ

Что самое характерное для тундры? Ветер. А для тайги — тишина. Потому что деревья задерживают ветер.

Самое частое дерево тайги — ель. Из каждых 100 деревьев тайги 56 окажутся елями, 24 — соснами, 18 — березами, 1 — пихтой и 1 — лиственницей.

Ель знакома всем. Растет она по сырым местам, потому что корни ели расположены у поверхности почвы и вглубь не проникают. И еще она очень любит тень. На открытых светлых местах поселяются первыми сосна и береза, и только потом, когда густая поросль их затенит землю, появятся молодые елочки. Быстро они набирают силу, растут, и в конце концов опять стеной встает хмуроватая еловая тайга.

Основное богатство тайги — древесина. Лучший строевой лес дает сосна.

Очень прочна лиственница. Она долго не гниет, поэтому делают из нее шпалы, ставят сваи на пристанях, рубят клетки-опоры для не-

ее не заглушает. Плодоносить она начинает только к 30—35 годам, а живет до 120—140 лет.

Много лет живут и другие таежные кустарники и кустарнички — смородина, малина, шиповник, жимолость, голубика, брусника. А сколько на них ягод бывает осенью в тайге! Все красно или черно. Медведи лежат. Сосут, сосут ягоды и уснут. Проснутся и давай опять есть. Ягоды и вкусные, и полезные.

Что еще интересное растет у нас в тайге? Брат женьшеня!

БРАТ ЖЕНЬШЕНЯ

Растения могут быть родственниками не только по происхождению, но и по свойствам. Женьшеня на севере нет. И вообще из семейства аралиевых, к которому он относится, в европейской части СССР встречается только два вида плюща, оба на юге. Но по свойствам есть и у нас брат женьшеня, хотя и из другого, очень далекого семейства лютиковых.

С мая и до осени богата тайга цветами. Косогоры и долинки, холмы и впадинки становятся желтыми, фиолетовыми, синими или розовыми. И среди этой бури цветов особенно выделяется один — брат женьшеня.

Из лесного перегноя в мае начинают вылезать красные тугие кулачки побегов. Они быстро вытягиваются и в июне разворачивают широкие резные темно-зеленые листья, в гуще которых распускаются большие, с ладонь, розовые цветы. Это — пион, марьин корень. «Пион» в переводе с латинского — лечебный, целительный. Из корней пиона, так же как и из корней женьшеня, готовят лекарство, возбуждающее средство — тонин. Выпьешь такую настойку — и усталость как рукой снимет, прибавится силы, станет свежей голова.

Цветет пион не очень долго — с неделю, потом осыпаются его лепестки и начинают завязываться коробочки семян. У пиона цветы красивые, а запах не очень приятный, и посещают их не столько бабочки, сколько мухи и жуки: зеленые бронзовки, желтые с черными разводами усачи-эводинусы и жуки-восковики, похожие на шмелей. Коробочки с семенами у пиона сначала зеленые, потом чернеют, высыхают и растрескиваются, разбрасывая много черных семян-горошинок.

Не один пион в нашей тайге лекарственное растение.

Был у меня пес. Рыжий, шумный, веселый. Звали его Мальчик. Появился он у нас ранней весной 1953 года и был таким маленьким, что свободно спал в валенке. Его папу я не знал, а маму — очень хорошо. Жила она у двух старичков-пенсионеров. Мама, как и сын, была рыжая и очень умная. Могла даже разговаривать. Когда ее спрашивали: «Скажи, Нелька, много тебе или мало кусочка колбасы?» — То она

повизгивала от волнения, ерзала на месте и наконец довольно четко произносила: «Маво!»

Мы надеялись, что и сын будет у нее хороший. Так и вышло. Мальчик быстро вырос и стал удивительно приятным зверем, ласковым, добродушным. Вежливо просился гулять, подавал лапу при встречах и прощании. Тоже пытался разговаривать, хотя это у него получалось немного хуже, чем у его мамы. Мальчика любили и дети, и соседи. И все было бы хорошо, если бы не один его «недостаток»: наш пес терпеть не мог пьяных. Как только встретит нетрезвого человека, так и кидается на него, так и лает! Сразу на нескольких улицах слышно. Пьяные, конечно, злились, грозились, и однажды кто-то из них выполнил свою угрозу. Приполз наш Мальчик едва-едва, весь в крови.

Перевязал я его, наложил на раны листья подорожника и мать-и-мачехи. Листья их холодные, как компресс, и полезные — помогают быстро заживать ранам. Через неделю собака моя начала поправляться, сама стала, похрамывая, выходить и глотать какие-то целебные травки, только не заметил я какие.

ЛЕКАРСТВА ПОД НОГАМИ

Про целебные свойства подорожника вы, конечно, и слышали, и читали, а может быть, и испытывали на себе, прикладывая к царапинам? У нас в тайге встречается 4 вида подорожников. Особенно часто — большой и средний.

Большой вы все знаете. Листья у него темно-зеленые, широчайшие, а цветочная стрелка высокая с кистью непахучих и невзрачных на вид цветков. У среднего подорожника листья небольшие, снизу с густым светлым пушком, а цветочная стрелка невысокая с красивыми, очень приятно пахнущими белыми и фиолетовыми цветочками. Подорожники расселяются вслед за людьми. У нас в Коми они проникли уже на север всюду вдоль железной дороги.

На станциях Джинтуй и Каджером в лесотундре и северной части тайги ботаники вдруг встретили подорожник солончаковый, который обычно растет по морским берегам и солонцеватым местам и никак для северной тайги и лесотундры не свойствен!

Подорожники следовали за людьми не только в Европе и Азии. Когда была открыта Америка и ее начали посещать белые люди, появились в Америке и первые растения подорожника. Индейцы даже называли это растение «следом белого человека». А расселяется он просто: семена пристают к подошвам, к одежде.

В народе уже издавна знали и использовали различные целебные свойства растений. Против ожогов и ран применяли не только подорожник, но и листья мать-и-мачехи, листья калужницы. Калужницу, бывает, зовут еще «куриной слепотой». Она цветет ярко-желтыми цветами в канавах, в болотах, на сырых лугах в мае — начале июня.

Из едкого лютика готовят лекарство против кожного туберкулеза.

Но цветы мы любим не столько за их полезные свойства, сколько за красоту и запах.

САМЫЙ ПАХУЧИЙ ЦВЕТOK ТАЙГИ

Еще белеют пятна нерастаявшего снега, замерзают по ночам лужи, и даже ручьи покрываются тонким слоем льда, а в мрачных еловых чащах разносится тонкий нежный аромат. Мы слышим его за несколько шагов, а шмели — за сотни метров. Нетрудно найти и цветок. На голом пруте — гроздь розовых цветочков, это дафна, волчьи ягоды, волчье лыко.

Когда начинается половодье, зацветает ива-бредина. Ранней весной радовала она нас белыми барашками, а теперь — пышными желтыми столбиками соцветий. Пахнет ива уже более сильно, и человек легко улавливает этот запах за триста — четыреста метров. А про насекомых и говорить нечего: воздух и днем и ночью гудит от полета шмелей, пчел, ос, мух, бабочек, жуков. На букет ивы-бредины, поставленный у открытого окошка, слетаются ночные бабочки за несколько километров.

Потом начинает распускаться листва, и ее клейкий дух на несколько дней затмевает все другие лесные запахи.

Облиствели деревья, и белыми шапками цветов начал покрываться багульник. Вот это запахло в лесу! Даже голову ломит с непривычки. Долго в болоте, где он растет, не выдержишь — сбежишь. Чего уж там люди, когда даже ко всему привычные домашние клопы не выдер-

живают и бегут прочь из комнаты, где он лежит. За это зовут багульник еще и клоповником. Но все же первое место по силе аромата отдать ему нельзя, так как есть и еще более пахучее растение.

Выше и больше кустарников — деревья, и дают они, естественно, более густой аромат. Там, где не трогают люди черемуху, она растет целыми рощами, и такой медвяный дух в воздухе! И как сочетается он с белой одеждой ее цветов!

Но первенство по силе запаха все же следует присудить не черемухе, а другому дереву — рябине. Соблазنى красотой ее белых шапок и соседи начнут зажимать носы, потому что густой волной по дому и улице полется «аромат» не то гнилой капусты, не то дохлой крысы... И, обманутые этим запахом, хлынут отовсюду полчища мух — опылителей рябины.

ЛЕСНЫЕ КРАСКИ

Из лепестков розы варят варенье. И еще можно лепестками рисовать. Лучше всего на белой бумаге, хотя и на другой тоже можно. Взять цветок, потереть им бумагу, и на ней останется от желтого — желтый, от синего — синий, от красного — красный след. Одни цветы красят лучше, другие — хуже, а какие как — попробуйте сами. В детстве я часто этим занимался.

Такое свойство растений люди заметили давно и стали использовать его в своем хозяйстве для получения красок, которыми окрашивают ковры, шелковые ткани и конфеты. Потому что краски из растений для человека безвредны.

Некоторые лишайники тоже содержат ярко окрашенные желтые или красные вещества, которыми на севере красят шерстяные и хлопчатобумажные ткани в темно-синий цвет. А если добавить уксусной кислоты, солей азотной кислоты или квасцов, получатся пурпурные, коричневые и желтые тона.

Замечали ли вы еще одно свойство цветов? Когда растут они на

лугу, оттенки у них сочные, яркие. А постоят в букете — и яркость пропала, и даже цвет у некоторых из них изменился: у лесного горошка фиолетовый переходит в блеклый синий, бордовый — в бледно-красный. То же происходит и в природе, когда растение естественно отцветает. И это удивительно разумно. Блеклые цветки не привлекают внимания насекомых-опылителей. Отдельный цветок цветет 2—7, реже 9—14 дней. Чем теплее погода, тем срок его жизни короче.

Так что яркость красок цветов — это еще и сигнал, но для разных животных разный. Ослепительно желтые чашечки калужницы привлекают внимание человека, и он просто рвет их для букета, для овец яркие пятна калужницы — первая свежая зелень, и они охотно жуют ее; для пчел и шмелей это тоже сигнал, в них они найдут сладкий нектар и пыльцу. А для лошадей и коров — желтый «стоп»! Отравлено! Для них калужница ядовита.

КАК ЗАЩИЩАЮТСЯ ТРАВЫ

Казалось бы, что может быть беззащитней травы? Кто захочет, ее затопчет, кто захочет — сломает, и не только человек, но и маленькая мышка, и даже жук.

А на лугах, где много лет пасется скот? Или на дорогах, где не только люди ходят или коровы, но ездят тракторы и автомобили? Там вообще никакой травы не должно быть? И верно, травы на дорогах почти нет, на местах долгого и частого выпаса скота травы скудные. Но все-таки есть! Неделю не будет езды по дороге, и сквозь плотно слежавшуюся глину или гравий пробьются первые ростки зелени, а через несколько лет такая оставленная дорога зарастет не только травами, но и кустарниками, и даже молодыми деревцами. Откуда же они появились?

Некоторые растения вовсе никуда не уходили, а все время оставались на дороге. У них ведь два этажа: верхний — листья и стебли, и нижний — корневища (подземные стебли) и корни. Листья и стебли погибли, но корневища оставались живыми и дали новые побеги. Теперь их никто не ломал, и дорога быстро покрылась первой щетиной травы. Тут с соседних лугов, лесных опушек ветер принес семена других растений, семена «приехали» и на пробегавших по дороге животных, и на пролетающих птицах — многие плоды ведь имеют для этого специальные крючочки и зазубринки. Вот и заселилась вновь дорога растениями.

Не помешал растениям и плотный слой утрамбованного грунта дороги. Сила молодых растущих побегов огромна. Что утрамбованная дорога! Побеги трав и даже грибов ломают асфальт!

Очень большая сила у молодых побегов бамбука. В юго-восточной Азии предателей казнили так. Их привязывали с вечера к колышкам у кустов бамбука. За одну ночь побеги бамбука вырастали и пробивали насквозь тело осужденного...

В нашей тайге мне приходилось не раз видеть, как травы прорастали сквозь пни и поваленные деревья, которые были еще довольно прочными.

Есть у растений и другие «приспособления», помогающие им устоять против многочисленных опасностей и невзгод.

ВСЕМ ИЗВЕСТНЫЙ ОДУВАНЧИК

Ну кто не знает одуванчика? Растет он у нас буквально всюду, по всей республике, от Печоры до Летки. В конце мая, в начале июня и до самой глубокой осени можно встретить его цветы, потому что не все растения зацветают в одно время. Листья одуванчика плоские, длинные и довольно прочные. Они отходят розеткой прямо от корневища и не отламываются, если на них встанешь. Корень одуванчика стержневой и очень длинный, уходит в глубь земли на полтора — два метра. Очень одуванчик живуч — из маленького кусочка корневища у него вырастает целое растение. К тому же одуванчик дает очень много семян — каждый кустик до 3000. Если бы все семена давали новые растения, через десять лет потомки одного одуванчика смогли бы целиком покрыть поверхность пятнадцати таких планет, как наша Земля!

Обыкновенный одуванчик имеет еще и другое название — лекарственный. В медицине используют его корни и траву (листья и стебли). Особо приготовленные, они возбуждают аппетит и способствуют лучшему пищеварению. А в старой народной медицине одуванчик применяли как средство от желтухи. Весной свежие молодые листья его идут на салат, можно поджарить и есть и корни одуванчика.

В млечном соке трех родственников нашего одуванчика — коксагыза, тау-сагыза и крым-сагыза — нашли советские ученые каучук и получают его для промышленных целей.

Совсем недавно одуванчик нашел и еще одно применение: листьями его и мака стали выкармливать гусениц тутового шелкопряда. Юные краеведы Дома пионеров города Ухты тоже принимали в этом участие. В 1951 году они получили от московских натуралистов грену (яйца) тутового шелкопряда, и черненькие молодые гусеницы охотно питались свежими листьями одуванчиков и маков.

Одуванчики есть и в Большеземельской тундре, на Приполярном и Полярном Урале, но только уже других видов.

ОСОТ — ДРУГ ОДУВАНЧИКА

Одуванчик приносит не только пользу. В иных обстоятельствах это вредное растение, сорняк. Летучие семена его легко попадают на огороды и поля, и выгнать его потом удастся с большим трудом. Но все же от одуванчика вред небольшой. Зато близкий его родственник — осот — приносит нашему хозяйству большие убытки, так как предпочитает расти именно на полях и огородах, и если с ним не вести борьбы, то вскоре на поле ничего, кроме осота, и расти не будет: все другие растения он заглушит. Нерадивый хозяин среди миллионов головок осота и не отыщет того, что он здесь весной посеял. Осот — древний враг земледельцев. В нашей республике его давно знают. На языке коми называется он «вижьюрайон».

Кажется, слабая трава — осот, а сильнее ее поискать надо. Человек со своей могучей техникой тратит огромное количество сил и времени, чтобы только препятствовать ее распространению, совсем уничтожить ее он еще не может. От небольшого кусочка корневища вырастают новые побеги и снова качается на ветру высокий стебель осота с одиночным желтым соцветием.

И осот, и одуванчик принадлежат к очень обширному семейству сложноцветных, которых во всем мире насчитывается более 15 000, а в Коми АССР уже найдено 133 вида. Большинство сложноцветных — очень стойкие и многочисленные растения с большой и развитой корневой системой. А сколько у них семян! Одуванчик с его тремя тысячами семян в год просто бледнеет перед другими членами этого семейства. Тысячелистник приносит 25 000 семян в год, а ромашка-пуговка — 40 000, полынь горькая — 100 000, мелколепестник канадский — 115 000! Огромное число семян — это тоже защита слабого растения: многие погибнут, но многие и останутся!

Есть у растений и другие оборонительные средства.

КТО ПЕРВЫМ КЛЕЙ ИЗОБРЕЛ

Если прикоснуться к цветочным оберткам осота (так называются листочки, которые окружают снизу цветок), то на них сразу выступят капельки млечного сока. Поползет по оберткам насекомое — и приклеится. Такой клейкой защитой от возможных врагов пользуются и многие другие растения.

В семействе гвоздичных есть два рода: смолка и смолевка. Их названия говорят уже сами за себя. Смолка обыкновенная, растущая у нас в Прилузском и Кайгородском районах, выделяет на верхней части стебля и стержнях соцветий липкое вещество «птичий клей». Он защищает цветок от нападения ползающих насекомых, червей, улиток,

добирающихся до нектара. Так же защищаются и смолевки. Попавшие на клей насекомые так плотно пристают к стеблю, что уже не могут двигаться ни туда ни сюда, и погибают.

Опыляют цветки смолевок ночные бабочки, и для них, наоборот, растение создает «все удобства». Днем цветки его закрыты и даже кажутся увядшими, перестают пахнуть, но к вечеру, когда начинают летать ночные бабочки, цветки снова раскрываются и вновь издают сильный аромат. Клейкое вещество выделяется смолевкой только во время цветения, окончилось цветение — исчезло и клейкое вещество, которое становится теперь бесполезным.

Если поранить сосну, ель, пихту — из ранки начинает вытекать смола. Она хорошо защищает дерево от проникновения в древесину грибков-паразитов, вызывающих гниение, а также частично спасает и от насекомых-вредителей, которые на здоровом дереве бывают буквально залиты липким потоком смолы.

Некоторые растения своим клеем не только ловят насекомых, но и поедают их. На торфяных болотах в сфагновых сосновых лесах встречается у нас маленькое растение с кругловатыми листочками, распростертыми по земле. Это росянка — насекомоядное растение. Листья росянки покрыты крупными железами, выделяющими на своих концах-головках липкую жидкость.

Стоит только какому-нибудь комарику или мухе прельститься блестящими капельками «росы» и опуститься на лист, как они тотчас прилипнут. И чем больше бьются, тем сильнее прилипают. А в это время реснички листа начинают сгибаться по направлению к насекомому,

подобно тому как пальцы пригибаются к ладони. Железки выделяют жидкость, которая и переваривает мягкие части насекомого.

Через день-два ресницы снова разгибаются — и лист принимает прежний вид. На каждом листе бывает до 200 волосков. Волоски росянки очень чувствительны к прикосновению, даже отрезок человеческого волоса в 0,2 миллиметра длиной и весом 0,00822 миллиграмма, положенный на железку, заставляет ресницы согнуться. А если такой же кусочек волоса положить на кончик нашего языка (самое чувствительное место у человека), мы его вовсе не ощутим. Следовательно, чувствительность ресничек на листьях росянки намного чувствительнее нервных окончаний на кончике нашего языка.

На торфяном болоте, где живут росянки, почва плохая, неплодородная — торф, пропитанный кисловатой водой; сосны на что уж не требовательны к условиям — и то вырастают здесь кривыми и чахлыми. Вот и приспособилась росянка к новому способу добывания себе дополнительного питания. От защиты клеем перешла к нападению.

Наш русский ученый и писатель, замечательный наблюдатель природы Дмитрий Никифорович Кайгородов написал о росянке маленькое стихотворение:

Эй, комарик, берегись!
На лист росянки не садись —
Придется с жизнью распрощаться:
Раз сядешь — вновь уж не подняться...

ОСТОРОЖНО: ЯД!

Видели вы, как на лугу пасутся коровы? Видели? Тогда, наверное, заметили, что они едят не все растения подряд, что местами на лугу сохраняются отдельные кустики цветов и трав и целые участки с нетронутой зеленью. Остаются они потому, что ядовиты для копытных животных. Выработалось у слабых трав еще одно средство защиты — яд.

Ядовитых растений много, и особенно среди лютиковых. Во второй половине мая, когда спадает с приречных лугов полая вода, начнут пробиваться вверх тугие красно-фиолетовые кулачки. Это — ростки калужницы болотной. Если стоят теплые дни, то калужница быстро вытягивается и набирает бутоны, и вскоре все низинки и болотца заливаются морем ярких желтых цветов. Но лошади и коровы, после долгой зимы жадно щиплющие зелень на лугах, обходят калужницу — зелень ее, сочная и мягкая, для них ядовита.

Ядовиты и не поедаются скотом (а если и поедаются, то вызывают у них тяжелые отравления) живокость высокая — растение лесных полян и опушек с гроздьями синих и голубых цветов; борец, или ако-

нит, встречающийся там же, цветы его фиолетовые и напоминают башмачки; воронец красноплодный, воронец черноплодный; лютики, из которых самый опасный — лютик ядовитый.

Но эти растения не только вредны. Человек научился извлекать из них пользу. Та же калужница применяется в медицине. Мы уже говорили, что листья ее употребляют для лечения ран и ожогов. Молодые цветочные почки маринуют в уксусе. Уксус извлекает из них горькое вещество. Получается острая приправа к пище. Ягоды воронца, сваренные вместе с квасцами, дают черную краску. Из семян живокости изготовляют порошок против насекомых — инсектисид. Из цветов ее получают синий краситель, которым можно окрашивать сукно. Еще большее значение как лекарственное растение имеет борец — акотинин, тинктура, экстракт, мазь; сироп из корнеклубней некоторых борцов применяются как болеутоляющие и противолихорадочные средства. В тибетской медицине борец считается главнейшим лекарственным средством и зовется там «царем лекарств». И борец, и живокость — любимейшие наши декоративные растения и очень украшают клумбы, газоны и рабатки.

Так что, ребята, не торопитесь уничтожать растения, встреченные вами в природе. Вредные в одном, они, наверняка, полезны в другом.

... И КИНЖАЛЫ

Многие растения обороняются от врагов... кинжалами. Кинжалы-шипы, колючки — возникли у большинства растений сухих мест, в то время как ядовитость более свойственна растениям влажных. И это понятно: колючки и шипы не только защищают от животных, но и предохраняют растение от чрезмерного испарения. Во влажных же местах, где, наоборот, нужно усиленное испарение, площадь листьев большая. Например, у борца, выросшего под пологом хвойного леса, листья достигают просто невероятных размеров: до 50—60 сантиметров в диаметре с черешком такой же длины! Но вернемся к шипам.

Некоторые растения даже так и называются, вслушайтесь: шиповник, колючник... В нашей республике около двадцати видов колючих растений, принадлежащих к семействам розоцветных (шиповник, роза, малина), гвоздичных (черная гвоздика) и сложноцветных (колючник, лопух, бодяк, чертополох); а в южных районах страны, с более жарким и сухим климатом, например в степях, полупустынях, горах Кавказа и Средней Азии, число видов колючих растений исчисляется уже сотнями, и есть они очень во многих семействах. Иглы тамошних чертополохов и бодяков так длинны, тверды и остры, что свободно пробивают парусиновую обувь.

Колючки хорошо защищают растение и от поломок. Всякий стре-

мится обойти колючие заросли, а не продираться сквозь них. Впрочем, если кто и пробует пролезть, растению от этого опять польза: оно нацепляет свои семена на шерсть животного или одежду человека, как это делают лопухи, или от сотрясения пускает в полет белые парашютики с семенами, как бодяки и чертополохи. А жевать такие растения способны только ослы и верблюды — другие травоядные не выдерживают уколов жесткого стебля и листьев.

Часто мы встречаем заросли этих растений у стен домов и заборов. Знаете почему так получается? Потому, что стоит летящей на парашюте семянке чертополоха или бодяка столкнуться с каким-нибудь предметом, как парашют отделяется и семянка падает на землю.

По цветущему чертополоху можно узнать погоду. Если его колючки плотно прижимаются к головкам цветов, то жди пасмурную погоду с дождем, наоборот, если колючки отгибаются от головки, то будет солнечный день.

Чертополохи, бодяки, лопухи нередко становятся сорняками, залегают на поля и огороды, и если не вести с ними борьбу, то забивают все полезные растения. Но есть и от них польза. Посмотрите, сколько шмелей и пчел усаживаются на их цветущие головки. Они богаты нектаром и хорошие медоносы. Из семян большого лопуха (иначе зовут его еще репейником) получают репейное масло, употребляющееся как средство для укрепления волос. Из корней лопухов готовят лекарство от лишая и парши. Молодые побеги и листья огородного бодяка в некоторых местах СССР употребляются для борща.

Заглянув в окружающий нас мир растений, мы с вами увидели, что вовсе уж не такие они слабые, как нам казалось. Каждое растение за многие века выработало какой-то способ бороться с невзгодами и опасностями. Неломкие прочные листья, гибкие стебли; способность

возрождать целое растение из кусочков стебля, корня или корневища; огромные количества семян и приспособления для их переноса на большие расстояния; клей, яд, шипы, колючки, иглы — это еще далеко не полный перечень всего, что сумели приобрести растения в битве жизни, далеко не все способы их защиты. Сила жизни велика и многообразна.

СОГНУТЬ ЕЩЕ НЕ ЗНАЧИТ СЛОМИТЬ

Идешь по берегу реки и видишь — бурная весною была вода. Подмыла она берег и растущие на нем деревья. Некоторые совсем в воду упали, некоторые еще держатся, но уже сильно накренились. Погибнут они? Кажется, что да, потому что растет дерево вершиной, а тут вершина под большим углом оказалась. Но дерево не сдается. Сначала у него начинает загибаться и снова расти вверх вершина, а потом вдруг одна или несколько веток становятся стволами. На одном старом стволе образуется несколько новых деревьев, а корни у всех одни. Такое явление называется живым ветровалом, потому что впервые оно было замечено у сваленных ветром деревьев. Живой ветровал бывает у самых разных деревьев, как хвойных, так и лиственных. Мне приходилось наблюдать его у ели сибирской, сибирской лиственницы, березы, ивы-бредины. Деревья, подмытые реками, живут долго. Знаю я одну старую березу недалеко от города Ухты уже двадцать лет, и она все еще живет и растет. Новые стволы-ветки на ней стали уже толстыми, почти десять сантиметров в диаметре, настоящие молодые березки. На их веточках вьют гнезда птицы, а в небольшом дупле старого ствола одно время жила белка, только ее спугнули рыбаки.

Остаются живыми и те деревья, у которых просто сломается вершина. При этом часто одна-две самых верхних ветки остаются живыми — и дерево становится похожим на вилку или на музыкальный инструмент — лиру. Встречаются и трех- и четырех- и пятивершинные деревья, но гораздо реже. Почему? Не знаю. Может быть, когда-нибудь узнаете вы?

Не всегда гибнет и сломанная ветка.

Один мой знакомый садовод встретился мне как-то с вязанкой нарубленных сучков за спиной. Я очень удивился.

— Вы переехали в дом с печным отоплением? (У нас в городе везде уже газ.)

— Нет, что вы, — ответил он, — это я черенки нес.

— Зачем?

— Как зачем? Сажать буду.

— И эти палки станут расти?

— Конечно. Воткну их в землю, и все.

Признаюсь, я ему не поверил, но он действительно взял и просто натыкал эти обрубки веток в землю вдоль ограды питомника зеленых растений. Прошло несколько лет — и вот результат: выросли из палок кустарники и деревья ивы. Целый лес. И так садоводы делают часто. Из ветки, из куса ствола выращивают целое дерево, а то и рощицу деревьев. Вот какая сила жизни таится, казалось бы, в мертвой ветке!

„ХОЗЯИН“ ИЛИ „ТРУС“?

Мы с вами познакомились уже немного с растениями нашей тайги. Но ведь в лесу и звери живут, и птицы летают, и жуки бегают. Давайте о них поговорим.

Хозяин всей Земли сейчас человек. Ну, а из зверей кто? Кто из них самый сильный и самый смелый? Кто в лесу чувствует себя хозяином и ни перед кем не отступает? Я уверен, что многие ребята сейчас же закричали бы: «Медведь!» Верно, медведь самый крупный хищный зверь тайги, и самый сильный, и все еще самый многочисленный. Даже пойманные маленькие медвежата не всегда отучаются от хищных привычек. Правда, часто в том, что эти привычки появляются, виноваты больше люди, чем сам мишка.

В деревне Кедва четыре года жил ручной медведь. Он свободно гулял по деревне и никого не трогал. Только кошек не терпел: подбросит их в воздух — и лапой. Это у него, наверное, сказывалась старая вражда к кошачьей породе.

Медведь и рысь, медведь и тигр, медведь и пума никогда не упустят случая сцепиться друг с другом, а кошка, хотя и маленький, но все же родственник тигра!

Очень любил этот медведь сладкое. Бросали кусочки сахара на крышу — он влезал и находил. А еще он очень любил брагу. И это его погубило. Раз как-то украл он бочку браги, напился пьяным и стал на людей нападать. Пришлось хозяину его убить... Так же грустно окончил свою жизнь другой ручной медведь из живого уголка Дома пионеров. Прожил он там семь лет, был любимцем ребят и взрослых, таскавших ему груды конфет и печенья. Но в прошлом году вдруг выломал решетку, вышел на свободу, и когда директор попытался загнать его обратно, медведь повалил его и укусил за ногу...

Бывают и очень мирные медведи, таких даже большинство. Очень старый, весь седой медведь прожил десять лет недалеко от деревни Кедва. Он не трогал ни людей, ни животных, и его никто не трогал.

Мохнатый «хозяин тайги», несмотря на свой большой рост и силу, вовсе не такой уж храбрый и смелый.

«Было удивительное солнечное утро, — рассказывал Анатолий Антонович Смилингис. — Весь отряд спал еще в палатках. Густая роса лежала на высоких травах седым покрывалом. Чтобы не замочиться, я шел к реке боком, по узкой тропинке, неся в обеих руках ведра. Набрал воды, иду обратно. Вдруг в траве что-то закопошилось, а трава по пояс, что там — хорошо не видно. Но мне показалось — утка. Я осторожно поставил одно ведро, другим размахнулся и... раз!! А из травы-то медведь... Встал на задние лапы и солнце закрыл... Не помню, как я бросил ведро и добежал до лагеря... Устроил всем ранний подъем. Никто не верит, что мы с медведем встретились. Однако пошли посмотреть. Ведро валяется, дальше — другое, трава примятая, следы, медвежий помет, поломанные кусты и... сам медведь. Лежит. Мертвый. Умер от разрыва сердца. От страха».

Кто же тогда в тайге смелее медведя?

КТО ХРАБРЕЕ МЕДВЕДЯ?

Вы ждете, что я скажу «волк» или «рысь»? Оба этих таежных хищника иногда опасны человеку, но все же не самые храбрые. Даже когда у них отбирают детенышей, они очень редко осмеливаются их защищать. А вот попробуйте не то что взять, а подойти к детенышам куницы, соболя или ласки! Мелькнет в воздухе коричневая стрела — и вопьются в обидчика острые, как иголки, белые зубки! Опять мы видим, что далеко не всегда самый большой — самый смелый и опасный.

Все семейство куниц отличается большой смелостью и дерзостью. Росомаха — вот к кому, пожалуй, больше подходит название «хозяин тайги». Она самая крупная из таежных куниц — почти метр длиной. Окраска ее темная, коричнево-бурая, а вдоль боков тянется широкая желтоватая полоса. Тело массивное, приземистое. Лапы короткие,

плотные, с сильными когтями. Росомаха широко кочует, проходя за день по несколько десятков километров. И почти всегда в одиночку, только изредка у крупной добычи собирается несколько этих хищников.

Нападает росомаха на северных оленей, косуль, даже на лосей. Чаще всего она хватает их из засады. Но нередко пускается в погоню и упорно преследует по глубокому снегу, в котором она проваливается меньше, чем копытные животные.

Питается росомаха и трупами, ловит мелких грызунов, птиц, разоряет их гнезда, добывает речных бобров, уничтожает и других хищников (даже лисицу и выдру). Систематически обходит она ловушки и капканы охотников и выкрадывает оттуда всю добычу. Нередко грабит продовольствие в складах и лабазах охотников. Был случай, что напала росомаха и на человека — связиста, вышедшего проверить линию.

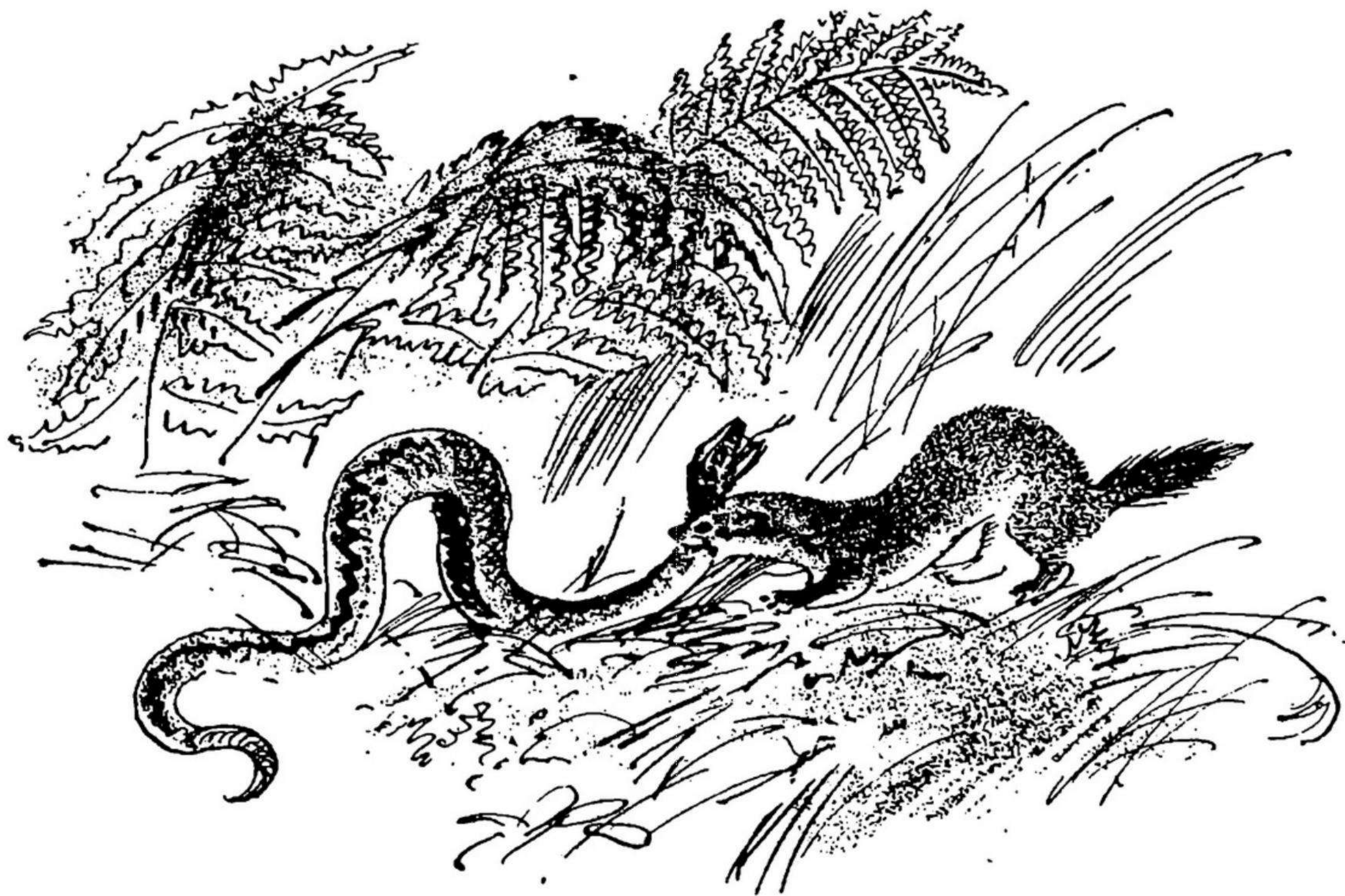
Забрался от нее связист на телеграфный столб. Росомаха хотела влезть за ним, но когти ее по гладкому столбу скользили, и она съезжала вниз. Спасли человека охотники, случайно выехавшие на линию и застрелившие упорную росوماху. За все эти повадки считают росوماху вредным зверем, и разрешается истреблять ее круглый год.

МАЛЕНЬКАЯ, ДА УДАЛЕНЬКАЯ!

За что ее только «лаской» назвали? Зверек этот очень кровожадный, ничуть не меньше, чем его сестра — росомаха.

Ласка при встрече в лесу с человеком и не думает пугаться и прятаться. Она становится столбиком и на него смотрит. Потом движется навстречу и держит себя довольно вызывающе. Человек к ней — и она к нему. Случалось, что ласка нападала на человека и отступала только после долгого боя, а то и вовсе обращался человек в бегство!

Среди коми-охотников есть поверье, что ласка прыгает на лося и убивает его, прогрызая ему ухо и череп! Кто знает, может, это иногда и случается. На коня и всадника она нападала не раз и так вцепля-

лась в ногу лошади своими зубами, что оторвать ее удавалось только с большим усилием. Вот какая она храбрая!

Страшны ей разве хищные птицы. Ястреб успевает подхватить и пронзить ее своими длинными когтями прежде, чем успеет ласка опомниться. Но если хищник неудачно схватит зверька, победителем снова будет ласка. Однажды красный коршун схватил ласку, а через несколько минут заметался в воздухе и упал мертвым. Ласка сумела вывернуться из его когтей и перекусить ему горло. Но, несмотря на то, что она ест всяких животных, каких только может осилить, ласка очень полезный зверь, потому что уничтожает много мышей и крыс, проникая за ними в самые узкие щели и норы. Где поселится ласка, там она быстро выведет этих вредных и неприятных нахлебников. Ест она и насекомых, и лягушек, и ящериц, и змей. Не прочь даже ядовитой гадюкой закусить. Все ей нипочем. Маленькая, двадцать сантиметров всего длиной, зато удаленькая!

ВОТ И ТИГР

Откуда же тигр? Тигров-то в нашей тайге нет!

Это сейчас нет, а всего каких-нибудь полмиллиона лет тому назад в наших краях были тигры. Но не такие, которые сейчас живут в Уссурийском крае или в Индии, а гораздо более крупные животные — тигро-львы. Жил тигро-лев в пещерах, как и его современник пещерный медведь. А узнали об этом так.

Несколько лет группа ученых из коми филиала Академии наук производила исследования в пещерах на берегах реки Печоры. Маленькая кучка людей ежедневно от зари до зари медленно и размеренно расчищала землю на полу пещер, вынимала и выносила или выкатывала прочь глыбы камня, тщательно осматривала, регистрировала и упаковывала каждую, даже небольшую, находку. Больше всего трудов было положено в Медвежьей пещере, и они полностью оправдались. Среди 25 100 костей животных, собранных в пещере этой экспедицией, нашлось и три кости — кого бы вы думали? — тигро-льва. Пещерный лев, или тигро-лев, крупный хищник, жил некогда во многих местах Европы и Азии, встречался и на Урале, но гораздо южнее. И вот оказалось, что он встречался и на севере!

И в этой, и в других пещерах обнаружены кости мамонта, волосатого носорога, пещерного медведя, которых сейчас на Земле не осталось, а также зубра, мускусного овцебыка, дикой лошади, которые в настоящее время в небольшом числе обитают совсем в других местностях, далеко от нашей печорской тайги. Там же нашлось немного костей и теперешних лесных жителей.

Итак, предки тигров — тигро-львы — на нашем севере жили. Их

глаза, как зеленые звезды, сверкали во тьме, и ночную тишину разрывал их грозный рев, от которого в страхе замирали мелкие звери и буйной яростью наливались глаза огромных зубров и носорогов. Тревожно трубили мамонты, и тряслась земля под их тяжелой поступью...

В семействе кошек в древние времена было немало великанов, но они по разным причинам постепенно вымерли и остались только более мелкие, как, например, в нашей тайге — рысь. Может быть, в исчезновении тигро-львов повинен и человек, как, несомненно, виновен он в исчезновении с лица Земли мамонтов, шерстистых носорогов и пещерных медведей.

А тигры в северной тайге вполне могли бы водиться. На Дальнем Востоке и в Средней Азии, где тигры еще есть, зимы, правда, короче, но немногим мягче наших. Тигры, не стесняясь, бродят по глубокому снегу, и ничего им от этого не делается. Значит, дело не в климате. Может быть, в пище? И в северной тайге много лосей, северных оленей, зайцев. От Дальнего Востока идет сплошная зона тайги до наших мест, пересекаемая лишь реками. Но плавать тигры могут совсем неплохо. И ходить тоже — в сутки по 80—90 километров. В зимнее время охотничий участок тигра занимает 300—400 квадратных километров.

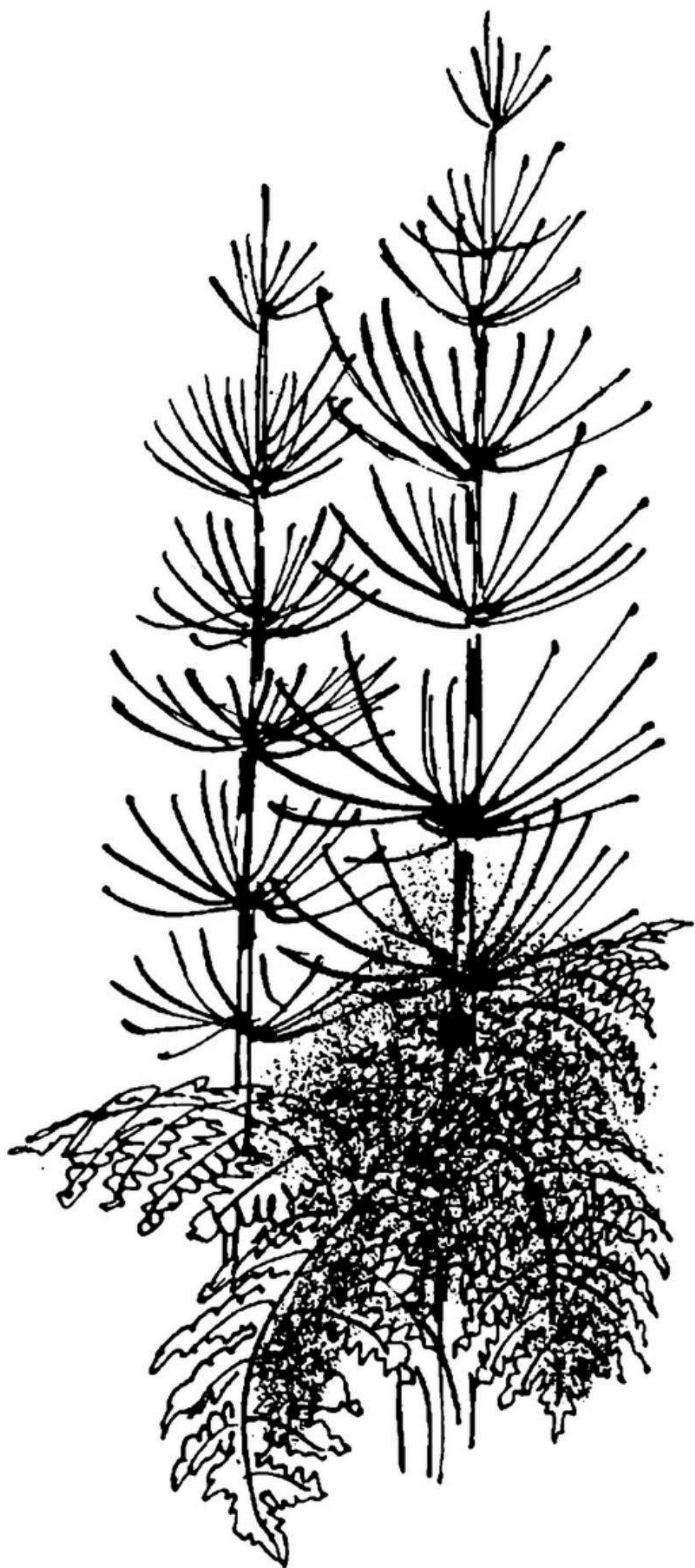
Очевидно, помешало тиграм продвинуться далеко на запад и северо-запад море, заливавшее в недавнем геологическом прошлом Западную Сибирь.

ПОТОМКИ ВЕЛИКАНОВ

В мире растений нашего Севера тоже некогда было немало великанов. Если сесть в городе Ухте на поезд и проехать к северу всего лишь 30 километров до станции Керки и от этой станции спуститься вниз по реке Айюве, то увидишь впереди высокую белую скалу. Она четко выделяется среди буйной зелени деревьев.

Подойти к ней не так уж просто. Сначала дорогу преградит густой ивняк, сквозь который продираешься с большим трудом. Затем встанет на пути широкая старица с топким илистым дном, обходить которую придется более часа. Дальше будет невинный с виду ручей, но берега его — топкая, покрытая мхом ловушка. Встанешь — и по колено провалишься в жирную черную грязь. Но преодолеешь все и увидишь: нет скалы, это просто обрыв берега с белым песком.

Не огорчайся, спускайся вниз, к реке. Тут, у подножия обрыва, тянутся серые плиты камня, на которых можно увидеть отпечатки стволов каких-то огромных растений, очень напоминающих хвощи. Отпечатков много. Есть и короткие, и длинные — по несколько метров. Если поискать получше, то попадутся и куски окаменелой древесины. Они

очень непрочны и уже через несколько месяцев рассыпаются в серую и черную пыль.

Еще дальше на север в шахтах города Инты можно найти и более древние и лучше сохранившиеся остатки растений. Судя по толщине ствола хвоща (8—10 сантиметров), они достигали высоты в 10—15 метров. Древние плауны, росшие на территории теперешней тайги, были еще больше — до 40 метров. Отпечатки их коры с характерным рисунком, похожим на пирог-полоску, встречаются совсем нередко.

В те же времена, двести пятьдесят миллионов лет тому назад, росли и гигантские папоротники. А сейчас в тайге всюду растут их маленькие потомки высотой от 5 до 50 сантиметров. Однако хоть они и маленькие, но заметные.

По берегам таежных рек, в канавах и в болотах растет топяной хвощ с упругим, почти голым стеблем однотонного зеленого цвета. Много раз попадаетесь зимующий хвощ, похожий на топяной, но с полосатой окраской. Под пологом елей распушаются болотные хвощи и тут же нежные папоротнички — щитовники Линнея. На лугах и песках кустятся полевые хвощи, а в сосновых борах по земле стелются длинные плети сплюснутых плаунов. Из плаунов часто любят делать гирлянды, а папоротниками и хвощами украшать края букетов.

Все их предки-великаны у нас вымерли, а потомки-малыши живут — и неплохо. У многих других растений и животных предки были гораздо больших размеров, чем ныне живущие. Стрекозы-коромысла, парящие над нашими реками и озерами, имели триста пятьдесят миллионов лет тому назад родственников стрекоз-мегайнер с размахом крыльев до полутора метров. Была такая стрекоза с неболь-

шого орла! Даже у тараканов и у тех в наших краях были солидные предки.

На одной плите сланца девонского периода (примерно четыреста миллионов лет тому назад) обнаружен отпечаток таракана около восьми сантиметров длиной! До этого остатки тараканов находили только в отложениях каменноугольного периода — следующего после девонского. Каждое животное, каждое растение имеет длинную цепь предков и много родственников.

ИНТИНСКИЙ „КРОКОДИЛ“

В одной из шахт города Инты в 1953 году рабочие наткнулись на останки какого-то крупного животного, похожего на крокодила, и пригласили главного инженера Юрия Николаевича Приходько. Одного взгляда ему было достаточно, чтобы понять, что это находка необычайная. Он прекратил в этом штреке работы и вызвал из Москвы ученых. Долго длилась тщательная и кропотливая работа под землей. Животное имело около метра в длину, и его не всегда легко было освободить от окружавшей горной породы. Ученые подбирали даже маленькие отпавшие кусочки, пропитывали их специальным составом, забинтовывали в несколько слоев бинта. Это животное оказалось стегоцефалом, земноводным, одним из гигантских предков наших современных тритонов и лягушек. Уже только поэтому интинский «зверь» представлял собой очень ценную находку.

До сих пор останки стегоцефалов обнаруживались не часто и в большинстве случаев в Западной Европе, Индии, Африке, США. У нас этих земноводных чаще всего встречали в средней и южной полосе европейской части СССР. Находок на севере меньше десятка.

Специалист Е. Д. Конжукова, изучавшая находку, установила, что это новый, не известный ранее в науке не только вид, но и род, и назвала его «интазухус сильвикола».

Была у интазухуса и еще одна особенность. Чаще всего от позвоночных животных сохраняются только скелеты или отдельные кости. Целиком, с мышцами и кожей, они встречаются очень редко. Случается это или в вечной мерзлоте (мамонты и шерстистые носороги в Сибири) или в горном воске — озокерите (носороги и другие животные в Западной Европе). У интазухуса сохранились не только кости, но и кожа! То есть была найдена мумия интазухуса! Мумия, пролежавшая в земле не менее двухсот — двухсот пятидесяти миллионов лет!

Юрий Николаевич Приходько оставил небольшой отпавший кусочек кожи себе на память. Точнее, не совсем себе. Он большой друг ребят Инты. В свое свободное время, во время летнего отпуска, он

совершает с ними прогулки по окрестностям и походы на Приполярный Урал.

С большим волнением я смотрел, как Юрий Николаевич взял папиросную коробку, открыл ее и вынул пакетик марли. Волнами ложились на стол слои бинта — и вот в моих руках коричневый шероховатый кусочек кожи животного, бродившего в этих местах задолго до появления на Земле человека...

РЫБО-ЯЩЕР ЮРСКОГО МОРЯ

В 1956 году редкую находку посчастливилось сделать и мне. Я уже рассказал вам немного о реке Айюве, на берегах которой встречаются отпечатки древних растений и их окаменелая древесина. Немного дальше начинаются слои синей глины, содержащие огромное число раковин. Там есть длинные раковины белемнитов, в народе называемых «чертовыми пальцами»; закрученные, ребристые с перламутровым блеском раковины аммонитов; пластинки раковин устриц... Мы часами рылись в глине, бродили по отмелям, осматривали каждый встречавшийся камешек, то и дело совершая новые интересные находки.

Рюкзаки скоро наполнились, и уже стало темнеть. Пора было подумать о ночлеге. Предвидя, каким тяжелым грузом окажутся наши находки, мы не взяли в это путешествие ни палаток, ни спальных мешков, ни большого запаса продуктов, а между тем августовские ночи у нас уже холодные. Но мы не унывали. Вскоре на лесной поляне горел костер, и при его свете одни ребята стали перебирать и тщательно укладывать найденные окаменелости, а другие — отправились по грибы. Ходить далеко было не нужно. Среди чистого соснового бора, хорошо видные в сумерках, стояли ряды красноголовиков (подосиновиков). За пятнадцать минут — два ведра красных. Хватило на ужин, еще на завтрак осталось.

Потом мы убрали и затоптали остатки костра и легли спать прямо на теплой прогретой земле... Понемногу все притихли и... начались визиты местных лесных жителей.

Первыми, конечно, явились комары. Правильнее сказать, они нас вовсе не покидали, а с трогательным постоянством сопровождали во всех летних походах и днем, и ночью, и при солнце, и при дожде. К счастью, комары не любят прохлады и в холодные часы вяло летают, кусают лениво...

Затем где-то близко тревожно закричали кулики и послышался характерный посвист крыльев уток — чуть в стороне от нас прямо к реке пролетела какая-то странная, большая, беловато-серая птица. Отлетев немного, она вдруг испустила такой унылый вопль, что у нас мороз пробежал по коже. Кто-то совсем близко зашуршал прошлогод-

ней хвоей. Я приподнял голову — две рыженькие мышки-полевки с любопытством уставились на меня бусинками глаз. Внезапно они пискнули и исчезли... Нам в лицо пахнуло холодным ветерком... Вверх взмывал филин, совершенно бесшумно махая крыльями...

Хорошо спалось на теплой золе кострища, а утром, открыв глаза, мы увидели очередных гостей. Совсем низко над нами летал черный коршун. Временами он садился на сучок и, наклонив голову набок, наблюдал — шевелимся мы или нет? Обманутый нашей неподвижностью, он снова тяжело срывался с места и проносился над нами. Скоро появился второй, потом третий. Но осторожные птицы не опускались на землю. Четвертым прилетел красноватый сокол-пустельга. Тут наше терпение истощилось — и мы начали вставать. Птицы сразу улетели прочь, крича обиженно и недовольно...

Мы спустились к реке и опять вернулись к древнему юрскому морю; ушли из современной тайги в век, который был 150 000 000 лет тому назад. И далекое прошлое, и настоящее Земли рядом для того, кто умеет читать письма природы.

Я заметил крупную раковину, открыто лежавшую на слое синей глины, и взял ее. Хотел уже положить в мешочек, как и все, но что-то меня остановило. Странная, вообще-то говоря, раковина. Большая — сантиметров восемь в диаметре. Толстая — сантиметра четыре в толщину. С обеих сторон вмятины, какие-то гладкие площадки по краям... Я вертел в руках находку и все больше недоумевал. Внезапно в голове, словно молния, блеснула мысль — позвонок! Чей же? Конечно, рыбы. Ведь это морские отложения, и позвонок двояковогнутый, что характерно для рыб. Но какой же она была огромной! Если вспомнить, что у метровой щуки диаметр позвонка не больше одного сантиметра, то эта рыба должна быть 6—8 метров длиной! Теперь стали понятны и площадочки — не что иное, как места прикрепления ребер. Дома, когда я смог сравнить свою находку с рисунками в атласе ископаемых животных, то выяснилось, что это не рыба, а пресмыкающееся — рыбо-ящер, или ихтиозавр.

Через восемь лет, в 1964 году, мне удалось неподалеку от этого места найти еще один позвонок, но на этот раз поменьше размером и худшей сохранности. Находки костей ящеров-ихтиозавров очень редки. Вместе с нашими в европейской части СССР их всего девять.

ЗАЧЕМ НАМ ЗНАТЬ ЭТО

Кости ящеров и стегоцефалов, окаменевшие раковины, отпечатки хвощей... Все эти свидетели давно ушедших эпох помогают человеку правильно представить себе, как развивалась и совершенствовалась жизнь на Земле, как возникал и менялся живой мир прошлого.

Восстанавливая по остаткам различных животных и растений картины прошлого, ученые узнают, что было на нашей Земле много миллионов лет назад. А так как в разные периоды истории планеты в морях образовывались залежи полезных ископаемых — каменных солей, гипса, известняка, нефти, — то становится понятным и практическое значение этих знаний. Находят геологи в пласте раковины брахиоподатрип — значит, это девонский период, значит можно надеяться на встречу с нефтью и газом.

Брахиоподы — это животные, родственные червям, но имевшие раковину. В современных морях их мало, но сотни миллионов лет назад это были одни из самых распространенных животных. Причем в разное время жили разные брахиоподы. Менялись условия жизни в море — и вымирали животные, которым новые условия не подходили. Другие приспосабливались и выживали. Но при этом, естественно, изменялись: раковина становилась гладкой или ребристой, шипы и выросты увеличивались или уменьшались. Шипы и выросты на раковинах помогали животным защищаться от врагов и удерживаться на мягком иле. Как мы на снегу не проваливаемся на лыжах, так и брахиопода не тонула в иле, держась на выростах и шипах.

По тому, как изменялась величина и форма раковины и шипов, ученые могут делать вывод о том, как менялся ландшафт: становилось ли море мельче, похолодала ли вода или, может быть, стала намного солонее.

Брахиопод изучает много ученых и в нашей стране и за рубежом. В Коми АССР двадцать лет по всей республике собирала и исследовала брахиопод научный сотрудник коми филиала Академии наук Антониды Ивановна Першина. Ее большая коллекция известна во всем мире. В августе 1968 года познакомиться с ней приезжал в Сыктывкар американский ученый профессор-палеонтолог Артур Буко.

ТАЕЖНОЕ УТРО

Ученые — прежде всего очень наблюдательные люди, ученые — очень терпеливы и талантливы. А что такое талант? Талант — это умение видеть. Видеть интересное и необычайное даже там, где многие ничего не увидели и не заметили. У вас, ребята, особенно острый взор. Но видели ли вы хоть раз, как начинается утро в тайге?

Очень хорош лес ранним утром. Весь он в седом мягком тумане. Роса лежит на траве. Тишина. Все больше и больше светлеет на востоке, и наконец прорывается первый веселый луч солнца. И сразу засверкает роса, алмазами вспыхнут паутинные нити, а туман начнет таять... И громче зазвучит пение птиц, вплетутся в их хор новые голоса.

Первым подает голос кулик-погоныш: около часа ночи или чуть попозже. Июнь — месяц, когда особенно много птичьих песен, — у нас в тайге очень светлый. День длится целых двадцать с половиной часов, и только три с половиною часа сумерки. Поэтому так рано и начинают петь птицы.

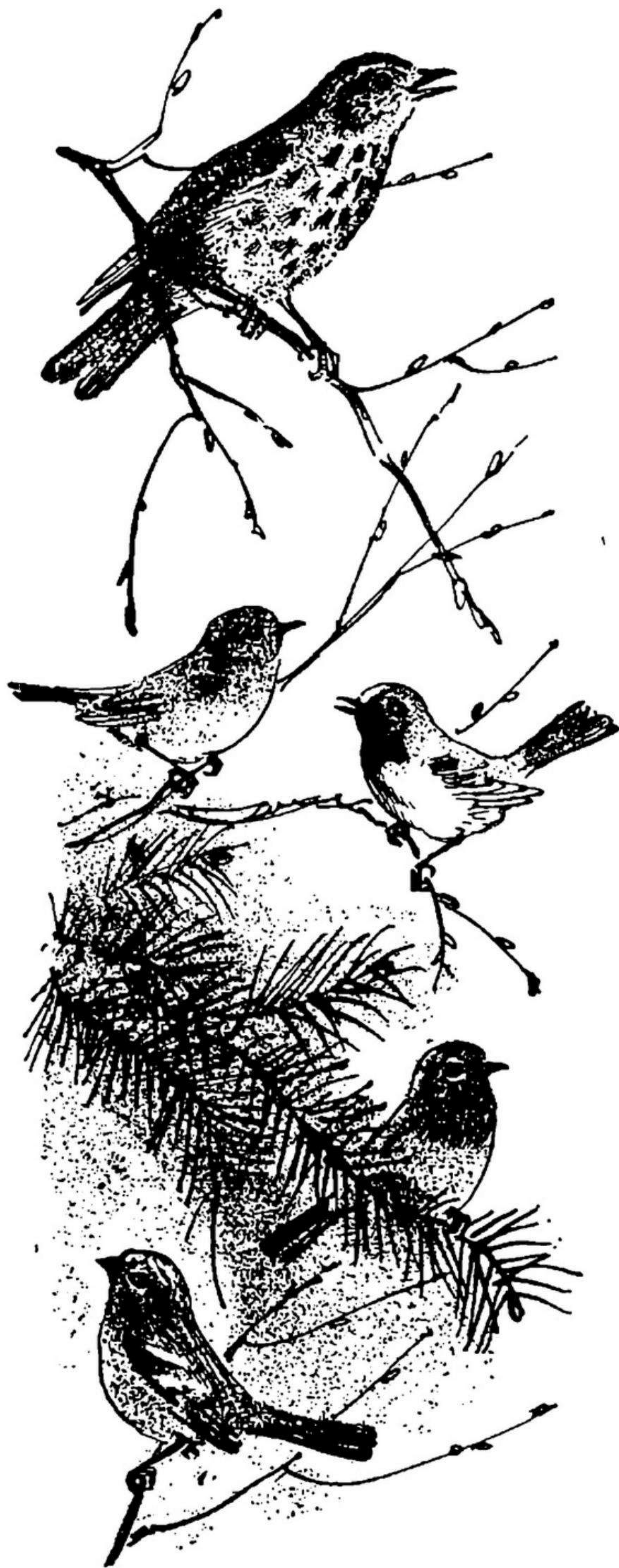
Следом за куликом-погонышем через три-пять минут запевают дрозд-белобровик, еще через полчаса — «чив-чив-рю, чив-рю, чить-чить-чить, чию-чирю, тири-рю», — певчий дрозд, еще минут через двадцать — «ти-ти-тю, ти-ти-тю» — запел дрозд-рябинник и откликнулся ему второй, третий... По всему лесу запели дрозды и теперь не умолкнут уже до самой полуночи. Один устанет — другой песню подхватывает, этот на добычу полетел — третий поет после сытного завтрака.

В мохнатых еловых лапах кто-то встрепенулся, завозился и коротко стрекотнул. Ну конечно, это проснулась сорока! Даже не проснулась еще, а просто встрепенулась во сне.

Тихая короткая песенка... Смотрим на часы. Два часа ночи. Так и есть — это зорянка. Поет она на зорях — утренней и вечерней. И под стать своей песне птица маленькая, незаметная.

После минутной тишины — «чив-чирри-ри-ри-ри-рю, чивирри-риви-ри-рю» — горехвостка, хорошенькая серая пичужка с красным, «горящим» хвостом.

И начался после нее целый

концерт! Запели пеночки-трещотки, большие синицы, иволги, пеночки-теньковки, славки-черноголовки, пеночки-пересмешки, серые славки, овсянки, зяблики, чечевицы, закуковали кукушки... И к четырем часам утра лес звенит, полнится птичьими песнями. И туман все больше расходится, высыхает роса. Лес уже не седой, а зеленый, а вот и не весь зеленый — раскрылось несколько ярко-желтых головок одуванчиков. Еще немного — и весь луг покрывается их золотыми пятнами. Стали заметнее и другие цветы — поникшие розовые чашечки гравилата, синеватые и беловатые глазки лесных гераней, аленькие звездочки костяники и белые — морошки и звездчаток. И поднялся вдруг откуда-то из травы большой черный с желтыми полосами шмель. Загудел, полетел собирать нектар... И еще кто-то тоненько так запищал над ухом... Ай! Да ведь это первый комар уже проснулся! Где наш антикомарин?..

Села на зонтик борщевика муха-сирфида, крупная, брюшко в желтых и черных полосках, как у осы. Хорошая защита. И птицы, и хищные насекомые ее за осу принимают и не трогают. Даже я, уж на что к их маскировке привык, и то раза два-три хватал безобидную муху носовым платком или полотенцем! И таких мух в нашей тайге много, больше ста разных видов!

Кто-то зашуршал возле елки и пискнул. Кто? Серый комочек шариком прокатился по поляне в норку. Полевка, конечно! Их в тайге много — и серых, и рыжих, и черных. Но кого она испугалась? Мы-то с вами сидели тихо... Из-под той же елки выскочил стройный рыжий зверек. Двумя прыжками добрался он до норки, куда скрылась полевка, и тоже юркнул в нее. Теперь полевке конец. Это ее злейший враг, а наш друг — ласка. Вот она уже снова появилась и полевку в зубах держит. Значит, несет детям...

Роса высохла, можно ходить, не боясь замочить ноги. Над лугом вспорхнули первые дневные бабочки — голубые, белые, красные. Какие они разные и красивые! У перламутровок снизу серебристые пятнышки, будто капельки росы, а сверху узор из черных линий на рыжем фоне. Лимонница и цветом и формой похожа на сухой листок, а траурница и крапивница, когда сложат крылья, напоминают черные участки коры березы.

ДЕНЬ И ВЕЧЕР В ТАЙГЕ

Утро кончилось. Дунул ветерок, потянуло с луга медвяным запахом, закачались цветы и травы. Тропинка вывела нас к берегу реки — узкой полоске каменистой земли. К ней совсем близко подступает лес. Густой, непролазный, колючий. Старые ели, метров по тридцать в высоту, дружно сомкнули свои ветви над мокрой от бесчисленных родничков землей, а промежутки захватили кусты. Ближе к свету, к реке —

шиповник, подальше, в тень — смородина. Осенью тут повиснут гроздья красных и черных ягод, собирай вагонами! Где чуть посуше — малина, любимая ягода и людей, и медведей... Трудно, очень трудно здесь пролезть, спустимся лучше обратно к речке. Но и здесь скоро путь кончается — тропинка уперлась в густой ивняк.

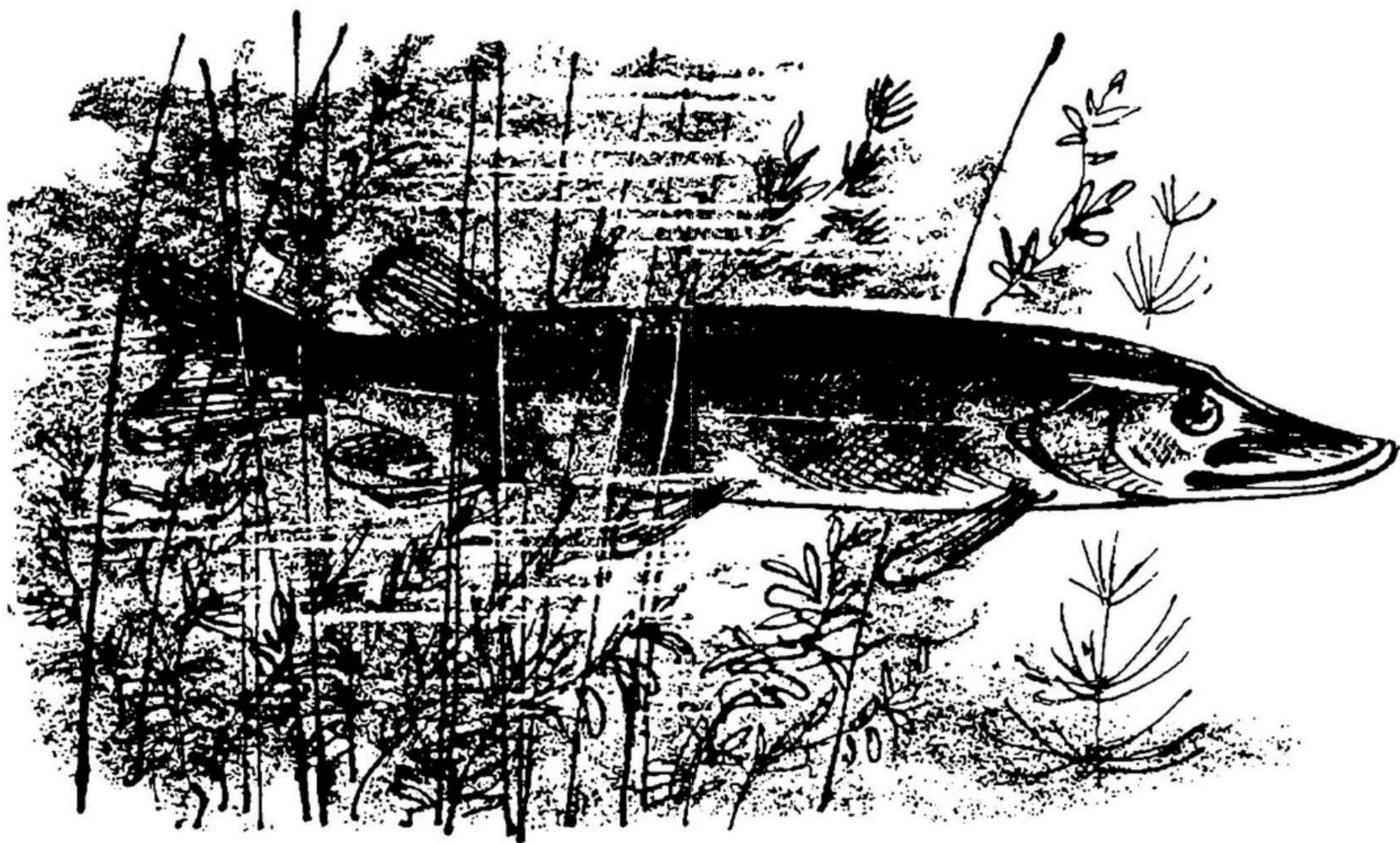
Скрылось из виду все — и лес, и небо, и речка. Идешь, жмуришься, отводишь руками ветки и, кроме них, ничего не видишь. Похоже, что попал в бамбуковый лес, и стволы похожи, и узкие листья. Только вот тигров и кабанов нет, одни мыши и полевки бегают. Но это сейчас, днем. Вечером же по этим зарослям бродят и лоси, и лисицы, и волки, и, конечно, медведи. Вот у воды на сыром песке будто кто-то босиком прошелся — это и есть медвежий «автограф». На некоторых отпечатках заметны следы когтей, тут уже и последние сомнения отпадают.

Долго тянется ивняк. Потом опять по речной долине начинаются луга. А за ними опять лес, но другой — светлый, просторный — сосновый бор-беломошник. Беломошником зовут его за белый «мох» — лишайник-ягель, который сплошь покрывает сухую песчаную почву. Бор растет на возвышенности. По понижениям со всех сторон окаймляют его густые ельники. Рады бы ели завоевать и бор, но не могут они жить и расти на такой сухой почве. Не может ель вытеснить сосну и на торфяных сфагновых болотах, а вот там, где почва получше и достаточно влажная, ель занимает главенствующее место. И на север ель идет гораздо дальше сосны. За Полярным кругом сосны уже нет, а ель, хотя и низенькая, с искривленным стволом, все еще есть. Дальше ели из хвойных продвигается только лиственница. Она еще более неприхотливое дерево. Ей легче переносить суровую зиму, потому что она сбрасывает свою хвою осенью, как лиственные деревья.

В еловом лесу сыро и неуютно. Из мха поднимается высокий лесной хвощ, похожий на макеты елочек. Много миллионов лет прошло с тех пор, как появились на Земле первые хвощи, а так до сих пор у них и осталась привычка жить в тени и сырости. Поэтому они здесь так пышно и разрослись. Только немногие перекочевали на открытые и сухие пространства, но ростом они там гораздо меньше. Есть хвощи и на реке, у самого берега встали сплошной щетиной.

А вот в тихой заводи над сплошной завесой листьев рдеста поднимаются «елочки». Тоже хвощи? Нет, это водяная сосенка, цветковое растение, любящее стелиться на мелководье, в илистых грунтах. Там, где грунты каменистые, растут в таежных реках другие растения — водяные лопухи — нардосмии. Иной раз всю реку перегораживают. Листья у них огромные, как детский зонтик. Но чем дальше на север, тем все меньше и меньше они становятся, и на Полярном Урале листья у нардосмии не больше ладошки.

Увидишь нардосмии — знай: там мелко, пережат. А другое растение — желтая кубышка, наоборот, указывает на глубину и на то, что

на дне вязкий черный пузырящийся ил. Среди плавающих тарелочек листьев кубышки снуют рыбы мальки, но здесь их куда меньше, чем на мелководье, в нардосмиях. Там, если тихо подойти, можно не только тысячи мальков, но и щуку увидеть. Другой раз стоит она огромная, как бревно, чуть шевелит плавниками. Заметила опасность — бум хвостом по воде — и на глубину. А на перекатах резвятся серебристые хариусы и молодые семги с синими пятнами и красными точками на боках. Чуть коснулась воды синяя стрекоза — хап! И нет ее, съели...

Но пора уже возвращаться к нашему лагерю, солнце клонится к кромке леса, холодает, ложатся длинные тени. Садятся на покой дневные бабочки: прицепятся к травинке, сложат крылья и... исчезают на фоне зелени луга, окраска нижней стороны их крылышек сливается с окружающей растительностью. И опять начинают закрывать свои венчики дневные цветы, прекращают работу на цветах шмели и пчелы. И можно опять посидеть у синего дымка костра и послушать, как постепенно смолкают птичьи голоса. Последняя песенка пеночки-теньковки — «тень-тень-тень, тень-тень-тень» — значит, уже половина девятого; редко, когда после девяти часов поет горихвостка. К половине десятого спели последние песенки перед сном пеночки — пересмешка и трещотка, славка-черноголовка и лесной конек. В десять часов последний раз прочистила горло ворона, стрекотнула сорока и тоже затихла, уснула.

«Чив-чив-чив-чив-чиви-ри-виттю» — спел в четверть одиннадцатого прощальную песню зяблик. И одни только неугомонные дрозды выводили рулады до полуночи.

А кое-кто и проснулся. Ветром дохнуло над головой — сова пролетела. Зорко следит она за малейшим движением в траве. Не одна неосторожная полевка попадет к ней на обед!

И мелькают у кустов хороводы ночных бабочек: пядениц, совок, шелкопрядов, хохлаток. Изредка мелких мотыльков разгоняет стремительный бражник или рыжий дубовый коконопряд с очень толстым телом и широким размахом крыльев, (до 12 сантиметров). Кто-то черный, еще крупнее, мелькнул зигзагом над поляной. Летучая мышь — кожанок северный — очень частый житель в наших краях.

СТУК В ОКОШКО

С этой летучей мышью было у меня одно интересное приключение. Как-то летом знакомая женщина принесла мне небольшую летучую мышь. «Мы ее во дворе поймали, — объяснила она. — Пошли мы с дочкой белье развешивать, смотрим, кто-то черный к дровам прицепился. Оказалось — мышь. Мы ее в банку...» Я поблагодарил женщину и стал думать, что же мне делать с пленницей? Мышь сидела в банке тихо, сжавшись в комочек. Я подыскал ей банку побольше, осторожно пересадил и стал предлагать пищу — стрекоз, бабочек, жуков. Но мышь только поблескивала бусинками глаз и отодвигалась от предлагаемого ей угощения. Может быть, она, вопреки обычаю, съест что-нибудь другое? Но она так же равнодушно отнеслась и к хлебу, и к пирожкам, и к сахару, и к сочным стеблям растений. Я оставил ее в покое, поставил банку на подоконник и ушел с женой в кино. Вернулись около двенадцати, и когда раздевались, то мне послышался вдруг резкий удар в стекло. Я подбежал к окну, но ничего не увидел. В белой летней ночи улица была пуста. Однако, как только я отошел, снова кто-то чем-то кинул в окно. Я выглянул в форточку. Никого. Выбежал на улицу, обошел вокруг дома. Никого. Даже вдали не было заметно ни одного человека. Только приготовился лечь в постель — бум! Тут уж я рассердился и решил подкараулить неуловимого кидальщика. Сел у окна и стал ждать. Прошло минут пять, и вдруг я услышал, как мышь в банке тоненько пискнула. Тоненько-тоненько. Тихо-тихо. Чуть слышно. Но почти сразу же в стекло стукнулась с улицы другая летучая мышь. Стукнулась и отлетела. Моя мышь снова пискнула, и снова с улицы толкнулась в окно мышь... Вот это слух! Через двойную раму, летая где-то на улице, она услышала мою пленницу и попыталась пробиться к ней! Я переставил банку на другое окно, раскрыл створки внутренней рамы и настежь — форточку. Но мышь молчала. Я ждал,

ждал и не выдержал — уснул. Уснула и жена. А в эту ночь ночевала у нас еще одна знакомая учительница. И вот она рассказала утром, что все же мышь пискнула, и через форточку в комнату влетела другая мышь и начала кружиться по комнате.

— Ну и дальше что? — спросил я.

— Дальше?! Дальше я так испугалась, что закрылась одеялом с головой, а когда стало душно, открылась, но второй летучей мышью в комнате уже не было. Наверное, обратно в форточку вылетела.

ВИДИМЫЕ НЕВИДИМКИ

Когда упоминаешь, что не только где-нибудь в заповедных лесах, а в самых ближайших окрестностях Ухты или Сыктывкара встречается очень богатый животный мир, насчитывающий тысячи и десятки тысяч обитателей, то многие удивляются: «А где же они живут? Ведь мы-то почти ничего и не видели!»

Верно, человек обычно замечает немногих животных. Отчасти потому, что он уже отвык наблюдать то, что его непосредственно не касается, отчасти же потому, что животные эти хорошо скрыты от нескромных взглядов и своей окраской, и формой тела, и поведением. Поэтому они становятся «видимыми невидимками» и человек их часто видит, но не замечает.

Например, весной, свежим майским утром хорошо прогуляться по весеннему лесу. Зелени еще нет, под ногами шуршат и ломаются рыжие прошлогодние листья. Ветра нет... Но листики — то один, то другой — вдруг поднимаются с земли и летят. Да это не листья, а бабочка-пяденица, своей окраской и формой крыльев настолько похожая на сухой листочек, что заметить ее сидящей на земле среди настоящих листьев попросту невозможно. А вот «ожил» кусочек березовой коры и тоже взмыл вверх, резанув глаз красными полосками крыльев. Это тоже пяденица. Верхние крылья ее под цвет коры, а нижние — ярко-оранжевые или красные с черной полоской.

А почему на некоторых ветках остались прошлогодние листья? Нет ли и здесь какой-нибудь загадки? Конечно, есть. Сорвем и развернем один листок, другой, третий. Один окажется пустым, в другом — приютились на зиму коконы пауков, а третий... третий вовсе не отрывался от ветки. Он плотно приклеен к твердому коричневому кокону пилильщика-трихиозомы. Если принести домой такой кокон, то через несколько дней внутри послышится шорох и царапанье, потом, как крышка люка, откинется верхняя часть кокона и вылезет оттуда мокрый, неуклюжий, величиной со шмеля пилильщик.

На стволах и ветках деревьев и кустарников притаилось много

коконов и куколок насекомых. Все они очень похожи на кору, лишайники, мох, почки и тому подобные, мало кого интересующие предметы.

Вот блестит капля росы. Ничего удивительного, капель вокруг сколько угодно, недавно прошел дождь. Но эта что-то слишком уж яркая. Подходим ближе. Так и есть, это сверкает сине-зеленая полированная спинка клопа-цигроны.

Есть и еще одна группа насекомых-подражателей. Помните, недавно мы встретились с мухами, которые похожи на жалящих перепончатокрылых — шмелей, пчел, ос? Есть и такие насекомые, которые своей формой тела, окраской и поведением напоминают муравьев. В каждом муравейнике наверняка встретятся десятки и сотни «прихлебателей», которые пользуются муравьиными трудами, сами почти ничего не делая. Среди них есть и жуки, и клопы. Они даже брюшко кверху задирают, как муравьи.

Часть же невидимых нами животных действительно невидимы. Они обитают под камнями, в древесине пней, в почве, в стеблях трав, в почках, в шишках, под корой, внутри тонкой пластинки листьев. Словом, буквально всюду существует мир маленьких существ.

КОМПАС — ЗАПАХ

Летучие мыши, несомненно, обладают необычайно тонким слухом. А у кого самый тонкий нюх? Я думаю, что у насекомых. Как далеко насекомые чувствуют запах? Пчелы — на расстоянии до километра, бабочки и жуки — гораздо дальше. Французский энтомолог Фабр два года очень тщательно осматривал деревья миндаля в поисках коконов большой сасурнии (ночной бабочки величиной почти с летучую мышь) и нашел всего лишь несколько штук. Потом, когда из одного кокона вывелась самка, то к ней прилетело 150 самцов. Значит, они прилетели издалека, за несколько километров.

Ученый попытался заглушить запах самки и рассыпал около нее и по всей комнате нафталин. И что же? Вечером самцы слетались к ней, как всегда. Фабр прятал самку в самые различные коробки, в шкаф, и если оставалась хоть малейшая щелка, то самцы прилетали и бились крыльями о дверцы шкафа.

Еще более интересные вещи узнал Фабр, когда стал производить опыты над бабочками, летающими днем. Малую сатурнию Фабр находил в природе всего лишь три-четыре раза, причем самцов не видал никогда. И вот за неделю к самке прилетело 40 самцов. Самое замечательное, что все они прилетали по ветру и ни один — против ветра! Как же они могли уловить ее запах? Ведь ветер его уносил? Третий шелкопряд — дубовый (он, как и малая сатурния, есть и в Коми АССР) дал ответ: самцов привлекает именно запах, потому что они слетались даже

к тому предмету, на котором только что сидела самка. Каким же тонким должно быть их обоняние, если ветер относил запах в другую сторону...

А муравьи! Есть муравьи-амазонки, которые ходят в походы к муравейникам других видов, убивают хозяев, забирают их личинки и куколок и несут их к себе домой, чтобы вырастить из них в своем муравейнике рабов. Так вот, амазонки возвращаются в свое гнездо всегда по одной и той же дороге. И что только не предпринимали исследователи, чтобы сбить их с пути! Посыпали дорожки толстым слоем песка, толченым кирпичом, сухим навозом, смывали слои почвы струей воды из шланга... Все было напрасно — муравьи прошли в свой муравейник именно там, где была их дорога...

Есть грибы, растущие под землей, — трюфели. Люди с удовольствием употребляют их в пищу, но отыскать трюфели нелегко. Они, на наш взгляд, ничем не пахнут, а тем более под слоем песка в 10 сантиметров. Но специально натренированные собаки легко отыскивают их. Жуки и мухи, питающиеся трюфелями, делают это также без труда.

Возможно, что у запаха есть еще какие-нибудь свойства, пока еще неизвестные науке.

Может быть, эту загадку отгадаете вы — будущие исследователи и ученые? Мир удивительного ждет вас прямо за порогом вашей комнаты..

ЕЩЕ ОДНО БОГАТСТВО ТАЙГИ

Есть в тайге еще одно богатство — реки и озера с рыбами. Разных рыб — больше тридцати, и у каждой свои повадки, свой образ жизни. Очень интересно, что разные рыбы по-разному выметывают икру — нерестятся.

Когда нерестится карась, то вода так и бурлит, так и кипит. Даже не поверишь, что эта сонная и медлительная рыба, какой привыкли мы ее видеть обычно, проявляет во время икрометания подобную резвость. Карась выметывает 200 000 икринок и никаких мер к защите не принимает — сколько-нибудь да выведется! Так поступают и окунь, и щука, и другие рыбы, у которых икринок сотни тысяч. Правда, они тоже для будущих мальков стараются выбрать места, где бы им потом лучше и теплее жилось — на мелководье, хорошо прогреваемом солнцем, но это и все. Ешь икру и мальков, кто хочешь, карась или щука и плавником не шевельнут!

В тихих заводях, в речных старицах, где густо переплетаются стебли и листья рдестов, ежеголовков, телореза, кубышки, можно встретить подводное гнездо: небольшой шарик из травинок. Настоящее гнездо, построенное рыбой колюшкой. Строил его самец. Ртом откусывал

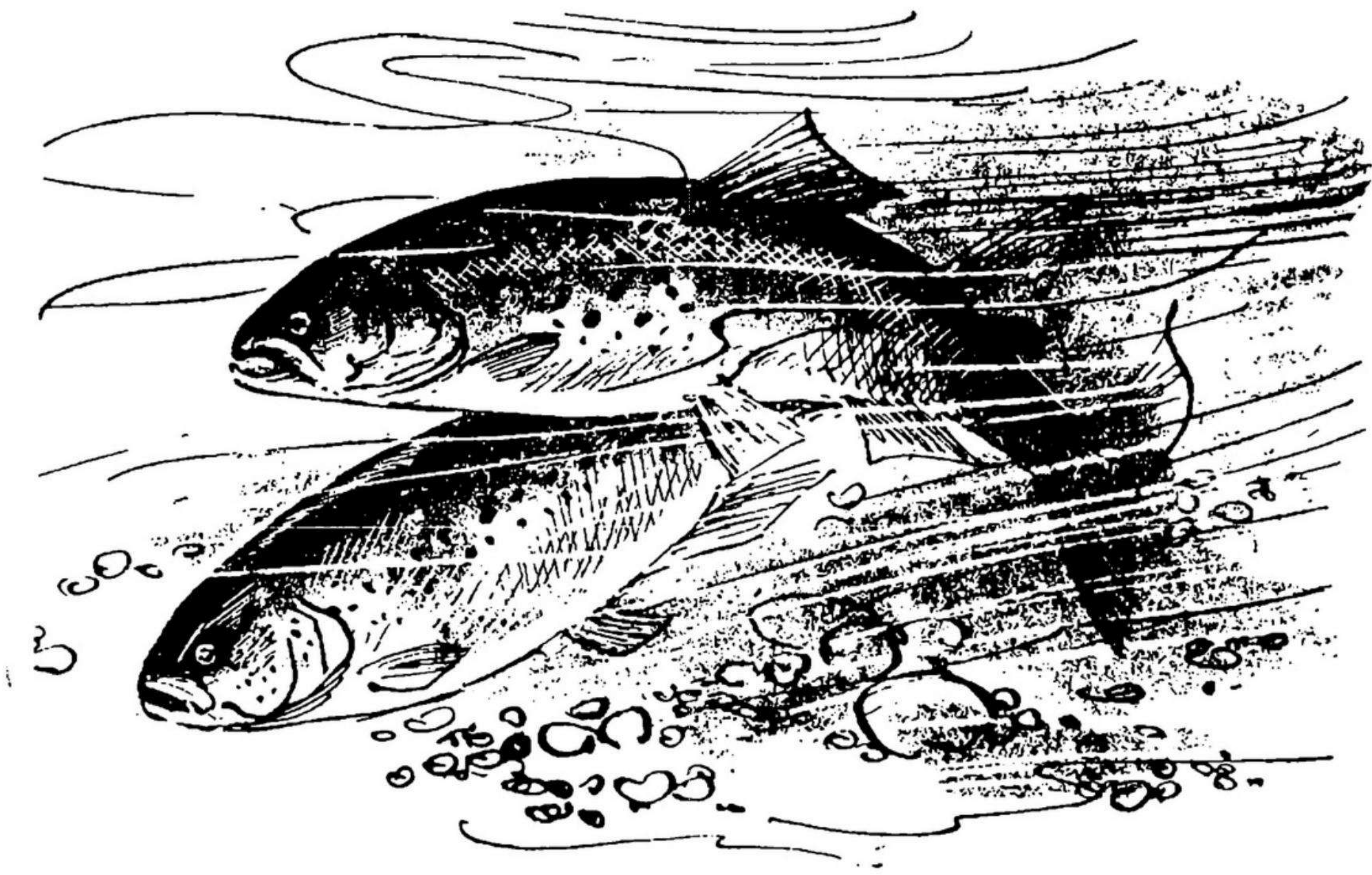
и вплетал стебелек за стебельком. Ртом! А такое сложное сооружение сделал. Построил, поплыл самку искать и приглашать ее к себе в гости. Только в гости, потому что самки колюшек долго в этих домиках не задерживаются. Заплывет, отложит 80—100 икринок, и до свидания — пошла опять гулять где ей вздумается. А самец остается. На страже. И пока мальки не выведутся, он никого к гнезду не подпустит. Распушит свои 9 колючек и на любого врага бросается, будь то хоть щука, хоть человек. И хищники предпочитают хватать кого-нибудь другого, кто бы от них убежал или прятался. Тем более, что колючки у него острые — все-таки больно.

И поэтому колюшек в реках почти столько же, сколько карасей, хотя икры у них меньше в две тысячи раз!

И у бычка-подкаменщика икринок тоже немного — 25—100, поэтому и он должен о них заботиться. Бычок живет в реке на перекатах, открытых каменистых местах. Заботится об икре тоже самец. Роев ямку и, когда самка отложит в нее икру, несет сторожевую службу до выхода из икры «бычат».

Значит, чем меньше у рыб икры, тем больше они проявляют внимания к своему потомству.

Семга — одна из наиболее ценных рыб наших рек. Часть своей

жизни она проводит в море, часть — в реках, куда приходит для икрометания. Самка откладывает не более 12 000 икринок, поэтому у семги тоже развились особые средства защиты икры. Где-нибудь в небольших реках с чистой водой и быстрым течением самка хвостом вырывает ямку и откладывает несколько икринок туда. Самец, который плавает за ней следом, поливает икру молоками. Потом самка зарывает ямку хвостом и продвигается немного выше по течению. Здесь вновь повторяется процесс откладывания икры.

А дальше? Знаете, что происходит с семгой? Дальше — девятьюстами рыб из ста умирают, потому что в реке семга, идущая на нерест, ничего не ест, а десять по течению доплывают до реки Печоры, потом они снова по Печоре попадают в океан, там кормятся и быстро восстанавливают свои силы, чтобы через год снова проделать такой же путь. Семга может двигаться со скоростью 80 километров в час! Может прыгать до 4—5 метров в высоту.

А какова сила у других рыб? Например, у щуки?

СИЛА ЩУКИ

Вот что рассказал нам как-то охотник Прокопий Феофанович Рочев:

«Река наша сначала состоит из двух рек: Белой Кедвы и Черной Кедвы. Так вот, плыли мы по Белой Кедве с товарищем. Ночью плыли, луна светила, сентябрь был. Сначала думали, у берега бревно лежит. Потом разглядели — щука, как бревно. Только спина над водой видна. Я взял острогу и наколол ее. Острога пошла хорошо, но щука рванулась, и я в воду упал, и щука потащила меня на середину реки. Товарищ растерялся. Потом приплыл на лодке, влез я обратно, а щука с острогой в спине вниз по реке поплыла.

Стали мы за ней спускаться. Долго плыли, километра четыре, а щуки все не видно. Потом опять заметили — лежит на мелком месте, а в спине острога торчит. Тут тихо подплыли и вторую острогу в нее. Убили почти совсем. Стали тащить на берег — никак не вытащим, очень уж щука тяжелая была. Наконец вытащили, отдохнуть хотели. Только я как-то около головы щуки оказался. Она меня хватить за ногу! Прокусила кирзовый сапог, ватные брюки, две портянки и в ногу впилась. Больно стало. Я кричу, а сделать ничего не могу. Товарищ побежал к лодке, принес весло, стукнул щуку по голове — оглушил. Погрузили мы тогда щуку в лодку и скорей в Ухту плыть. Там меня целый месяц в больнице держали.

На лбу у этой щуки мох рос. В желудке много мелких щук было. Длинной метра три, а вес — почти 80 кило. Мы ее в ресторан продали.

Только, наверное, нас люди за это не хвалили. Мясо у нее уже жесткое было, как дерево.

Еще одна большая щука живет у нас в озере Ды-Ты, недалеко от села. Есть там место у водяных мхов, где она греться любит. Ее все село знает. Старики еще маленькими были, а помнят, что уже тогда ее видели. Многие хотели убить щуку из ружей, но зря, очень она осторожная. Острогой убить нельзя — озеро глубокое, если плохо ударишь, утопить может».

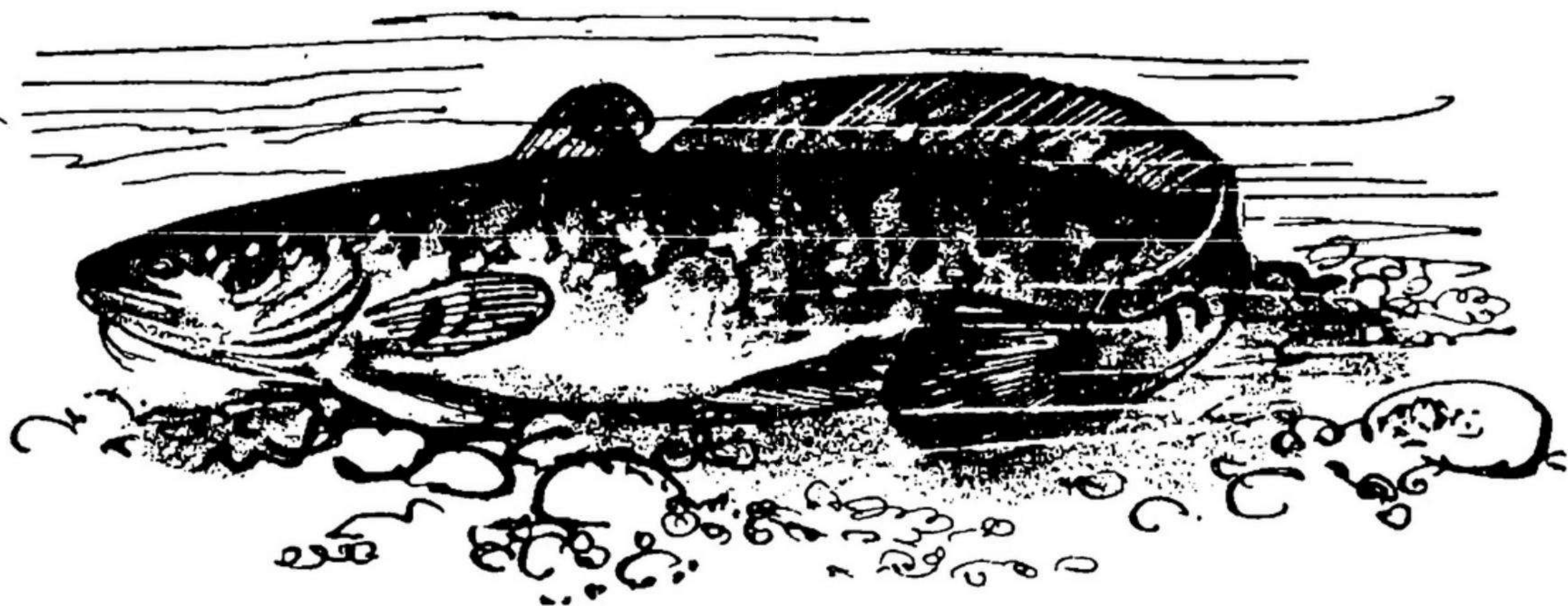
ЛЮБИТЕЛЬ ХОЛОДНОЙ ВОДЫ

Другой крупный и прожорливый хищник наших рек — налим. Налим любит холодную чистую воду и каменисто-илистое дно. Летом он держится под корягами, забирается под камни, плоты, ищет ключи. К осени, с понижением температуры воды, налим «оживает» и выходит из своих «летовок» на более мелкие участки реки. В это время он очень прожорлив.

Нерестится он зимой, с конца декабря по февраль, подо льдом, при температуре воды около 0°.

Прожорливостью налим соперничает со щукой. Молодые рыбы питаются донными рачками, личинками насекомых, мальками рыб. Взрослый налим поедает всех речных рыб — даже колючих ершей и скользких бычков, любит и лягушек.

Ловят налимов продолью — длинной такой бечевкой со множеством крючков. Насаживают хлеб, окатанный в воске (так он — хлеб — неделю пробудет в воде и не размокнет). Пускают сразу несколько про-

долей. Неплохо заходит налим и в «морды». Но все это промысловые способы. Мы ловили не так. Просто брали обычного дождевого червяка и насаживали на крючок. Не всегда налиму нравилась эта приманка, но случалось, что он ее брал.

Помню, однажды повезло Валерику Торлопову. Долго у нас ничего не ловилось, и мы даже стали поеживаться от вечернего холода и позевывать. Но вот в прозрачной воде промелькнуло что-то темное. Всмотрелись — налим. Он плыл к нашей приманке. Налим вдруг кинулся на грузило (вместо грузила у нас была проволочка). Проволочка налиму не понравилась, он пожевал ее, потом выплюнул и убрался восвояси. Долго мы еще потом сидели. Совсем сгустились сумерки. И вдруг за крючок кто-то сильно потянул. Сразу в несколько рук мы дернули удочку — перед нами лежал тот же самый налим...

И еще один случай был, когда мне удалось налима поймать просто сачком. Интересовались мы с ребятами подводными жителями маленького озера-старицы у самого города Ухты и облавливали его прочным сачком на толстой трехметровой палке. В густах водяных растений и тины копошилась масса жуков-плавунцов и водолюбов, их личинок стрекоз, головастиков, мелких рыбок, улиток, клопов-гребляков и гладышей, пиявок. Внезапно среди этой мелочи из тины высунулась колоссальная пиявка... Мы оторопели, а пиявка шириной сантиметра три медленно продолжала, судорожно извиваясь, вылезать из тины. Осторожно, палочкой, кто-то стал разгребать тину, и оказалось, что это... налим!

НАКАЗАННАЯ ЖАДНОСТЬ

Да, налим бывает очень жадным — голую проволочку хватает! Но рыбы вообще жадные существа, так что налим вовсе не исключение. На наших окнах стояли аквариумы, в которых жили тропические рыбы и рыбы таежных рек. Даже щука в 60 сантиметров длиной! Я обнаружил ее в мелкой луже, оставшейся после разлива реки. Но она прожила недолго, слишком уж велика оказалась для аквариума — негде и повернуться.

Окуни чувствовали себя среди зарослей элодеи и валинснерии прекрасно. Важно плавали, спокойно брали корм и флегматично разглядывали нас сквозь стекло. Хариусы, выпущенные в аквариум, металлись синими молниями. Глаз не успевал увидеть рыбу на одном месте, как она была уже в другом, и в поле зрения мелькала только серебристо-синяя линия. Но через некоторое время они успокаивались и начинали плавать более спокойно и тихо, уже не ударяясь о стекла.

Зато речные гольяны, или, как их еще у нас называют, малявки, кидаются на добычу толпой, торопятся, толкаются, отпихивают и отго-

няют друг друга от кормушки. В спешке гольян часто не соразмеряет своих возможностей, хватая добычу куда больших размеров, чем может проглотить. Один гольян схватил большого таракана и... подавился. Судорожно извиваясь, он опустился на дно вверх брюхом. Мы вытащили его и вынули таракана из его глотки пинцетом. Гольян немного отдышался и опять бросился к кормушке, но тут же снова подавился, и спасти его уже не удалось.

Вот эта жадность гольянов и помогает ловить их в простые стеклянные банки. Мальчишки надевают на банку крышку с дырой посредине, кладут внутрь кусок хлеба и опускают на веревочке в речку. Через несколько минут в банке уже мечутся 2—3 рыбешки. Влезть-то влезли, а выбраться не сумели. Особенно хорошо идут гольяны в банки весной. В это время на голове самцов появляются бугорки. Грудь, брюшко и плавники становятся ярко-красными, а у самок — желтыми, синими. Весь остальной год гольяны просто серебристые.

ПОДВОДНЫЕ ЗЕМЛЕКОПЫ

Рыбы в наших реках живут не только в толще воды и на дне, но и в «дне», в песке, в иле. Однажды в маленькой речке Чибью стали углублять дно бульдозером. И каждый раз, когда он подтаскивал к берегу очередную кучу песка и гравия, там извивались темные и светлые животные, очень напоминающие змей. Они быстро закапывались в грунт, но некоторых нам удалось схватить и посадить в банки с водой. Теперь можно было ясно различить, что это уж никак не змеи — у животных имелись длинные спинные и хвостовые плавники. Но вместо привычных жаберных крышек с каждой стороны виднелось по семь круглых дырочек на небольших вздутых, а вместо рта — присоска с зубами внутри. Плавали они с усилием, все время опускались на дно. Можно было еще заметить, что у большинства из них не было и следа глаз.

Это были миноги и их личинки. Ученые в последнее время выделили их из класса рыб в особый класс круглоротых животных. Длина взрослых сибирских миног достигает 23 сантиметров, а в морях Ледовитого океана — даже 43 сантиметров.

Рот миног превратился в присоску. Они присасываются к любым предметам. Взрослые миноги — хищники. Они присасываются к телу рыб, прогрызают кожу и начинают высасывать соки и выгрызать мясо.

Взрослые миноги держатся на дне, зарываясь в ил. Активность они проявляют, главным образом, ночью. Сибирская минога живет в таежных реках круглый год, а ледовитоморская приходит, как и семга, из Северного Ледовитого океана для метания икры. Попадают к нам миноги осенью, а нерестятся весной.

Миноги съедобны. Для длительного хранения их сначала поджаривают, затем маринуют.

Несколько раз я пытался содержать этих интересных животных в аквариуме, но все попытки оканчивались плачевно — миноги гибли через несколько часов, а то и минут. Но в последний раз мне повезло. В кучах песка, выбрасываемых бульдозером, мне удалось собрать двадцатка миног и их крупных личинок. И когда на следующее утро я с грустью выбирал из аквариума их трупы, то вдруг оказалось, чтодохлых только 16. Поворошил песок на дне — и оттуда стрелой вылетела большая личинка миноги. Тревожить остальных я не стал. Они прожили у меня в аквариуме одиннадцать месяцев. Но видел я их очень редко. Иногда у стекла под песком появлялась норка, а в ней — голова животного. Только во время чистки аквариума и смены воды в нем все четыре миноги выскакивали на поверхность и черными зигзагами носились по аквариуму. Потом, в новой воде, опять успокаивались и зарывались в песок. Питались они, наверное, одними органическими остатками, потому что, хотя в аквариуме вместе с ними жило много разных рыб — карасей, гольянов, колюшек, плотвы — миноги ни разу ни на кого не нападали.

„НЕ ЦАРЬ, А В МАНТИИ...“

Наши ребята, большие любители зоологии, придумали несколько загадок:

«Не царь, а мантию носит».

«Не соха, не борона, а за собой след оставляет».

«Всю жизнь ползет и конца не видит».

«Маленькое чудо в домике живет, ножку поднимает, ямку копает, себя засыпает».

Эти загадки придумали Лариса Золотова, Люда Козлова, Сережа Иванюк, и относятся они к одному и тому же животному — речной ракушке перловице.

Интересное животное эта ракушка. Действительно, как назвал ее Сережа, «маленькое чудо». Потревоженная ракушка плотно смыкает свои створки и лежит, как камень, но вот успокоилась вода — и ракушка слегка шевельнулась. Створки ее слегка приоткрылись, и появились с одного конца две трубочки-сифоны и край мантии, а с другой — белая или розовая «нога» моллюска. Медленно, но верно ракушка закапывается в песок и принимает вертикальное положение.

Перловица питается мелкими частичками, плавающими в воде, и беспрерывно втягивает в себя воду через один сифон и выбрасывает через другой. Одна крупная ракушка за 40 минут пропускает через себя литр воды, то есть около 40 литров в сутки.

Если пустить в воду немного растертой туши, так чтобы она попала вблизи щели перловицы, то можно увидеть, как вода вбирается в нижний сифон и через некоторое время выбрасывается вместе с током через верхний, выводящий сифон. Выбрасывать воду ракушка может сильной струей на расстояние до сорока сантиметров.

Ракушек-беззубок, перловиц и жемчужниц при необходимости можно употреблять в пищу, как и их морских родственников — устриц и мидий.

Когда об этом узнали наши ребята, то решили попробовать. Как раз за ночь, после конца половодья, сильно обмелела река Ижма — и на отмели лежало несколько десятков ракушек-перловиц. Большинство из них мальчики подобрали и побросали обратно в реку — пусть там живут. Самим им до воды никак уже не добраться. А несколько штук взяли. И спрашивают:

— Их как, прямо вот так сырыми и едят?

— Да, я читал, что во Франции в ресторанах выносят их к столу живыми в небольших ведерках. Берут в руки, капают уксусом. Ракушки раскрывают створки, их тело вырезают и на вилке в рот...

— А я видел, как их едят в Одессе.

— Ну что ж, попробуем?

Но никто все же сырого моллюска съесть не решился.

Вечером на привале Алеша Степанов испек две ракушки на костре и, несмотря на их очень неприглядный вид, съел. Сказал, что неплохо, но почему-то третью печь не стал — налег на бутерброд с колбасой. И остальные ребята тоже.

Из створок можно вырезать красивые пуговицы. И еще в наших северных реках в них бывает жемчуг.

О ПРЕСНОВОДНОМ ЖЕМЧУГЕ

Больше 500 лет тому назад, уже в XIII веке, добывали люди пресноводный жемчуг и торговали им и внутри страны, и с иноземными купцами. Петр I издал даже специальный указ, которым запретил добычу жемчуга частным лицам.

Жемчуг — это соли углекислого кальция, выделяемые моллюском. Жемчужное зерно начинает развиваться, если в полость моллюска попадает постороннее тело. Зерна эти растут очень медленно. Они начинают образовываться в раковине, когда она достигает 10—12 лет, а живет жемчужница до 50—60 лет.

Жемчужина может образоваться от простой песчинки, попавшей между створками раковины и мантией. Песчинка раздражает животное, и кожные покровы мантии начинают выделять затвердевающее перламутровое вещество. Оно обволакивает песчинку со всех сторон.

Так что прекрасная жемчужина, по сути дела, — это болезненное образование моллюска.

Можно получить жемчуг и искусственно: осторожно поместить в раковины песчинки. Постепенно они станут превращаться в жемчуг. Но дело это, конечно, очень тонкое и кропотливое.

Добывают раковины жемчужниц так. После половодья плот с прорубленным в центре отверстием тихо спускается по реке. Ловец жемчуга, распластавшись на плоту, сквозь это окно при помощи берестяной трубы или жестяной коробки со стеклом пристально наблюдает за дном. В руках он обычно держит длинный, расщепленный на конце шест. Ноги его придерживают веревку с тяжелым камнем. Увидев раковину, он сбрасывает камень в воду и становится «на якорь», а затем, нацелившись шестом, вытаскивает раковины на плот. Но только десять раковин из ста обычно содержат жемчуг. Так что удобнее специально разводить раковины и помещать туда песчинки для образования жемчуга.

ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК

Кроме ракушек, в воде живут и улитки: прудовики, катушки, лужанки. Их легко содержать в аквариумах, даже в простых банках, и наблюдать, как они дышат атмосферным воздухом, подползая к поверхности воды и открыв круглое черное отверстие «легкого». Когда легкое прудовика наполнено воздухом, то улитка легче воды. Толкните ползущего по поверхности воды прудовика — он чуть погрузится и сейчас же снова всплывет, как пробка. Толкните сильнее — прудовик погрузится гораздо глубже, утонет, выпустив несколько пузырьков воздуха: он выдавил воздух из легкого и стал тяжелее воды.

Моллюски едят листья растений, водорослей, скобля их поверхность теркой — роговой пластинкой с зубчиками, расположенной во рту. Если нет растений, то улитки могут есть и кусочки мяса, и мертвых рыб, и даже охотно едят манную крупу, подбирая

ее с поверхности и со дна аквариума. Переваренная манная крупа висит под прудовиками длинными шнурами, скрученными витками, падает на дно банки. И один мой знакомый мальчик принял это за... червей. Прибежал ко мне испуганный и говорит: «Заболели мои улитки, червей из них нападало уйма, да еще некоторые у раковин висят...» А это просто у прудовиков было хорошее пищеварение.

Улитки живут и на земле, в траве, на кустах, под камнями. По берегам таежных рек нередко можно увидеть их самих или их пустые домики, особенно в сырых местах. Сухости улитки не любят. Про улиток наши ребята — Рита Пределина и Юра Коноваленко — тоже придумали загадки:

Тихо ползет,
Домик несет,
Листья поедает,
Как ее называют?

Терем-теремок стоит,
Из него нога торчит,
В винограднике живет,
Людям вред большой несет.

КАК ХОТЯТ, ТАК И ДЫШАТ

Улитка большой прудовик живет в воде. Ее можно встретить не только в реке, в озере или в пруду, но и почти в любой канаве, даже в довольно грязной. Ползают они, вытянув свою «рогатую» голову, и по дну, и по растениям, и просто по поверхности воды. Когда улитка держится у поверхности воды, то можно увидеть, что она время от времени открывает круглое черное отверстие. Это вход в легкие, точнее — в легкое, легочную полость. Она наполнена воздухом, стенки ее пронизаны обильными кровеносными сосудами, и, как и в легком у позвоночных животных, в этой полости моллюска совершается обмен газов, дыхание. Прудовик открывает свое дыхательное отверстие с громким хлопом. Когда воздух сменится, то прудовик снова надолго уходит под воду. Так он дышит летом.

Чем теплее вода, тем чаще поднимаются прудовики на поверхность. В хорошо прогретой воде он дышит 7—9 раз в час. Но по мере того, как температура воды становится ниже, все реже и реже поднимается он на поверхность, а когда становится 6—8 градусов тепла, то и вовсе перестает выходить наверх. Еще некоторое время дышат прудовики пузырьками кислорода, выделяемыми растениями, а потом перестают наполнять воздухом свою легочную полость. Что же с нею делается? Полость наполняется водой и начинает действовать, как

жабра. Редчайший, удивительный в природе случай, когда один и тот же орган действует то как легкое, то как жабра.

Кроме легочной полости, прудовик дышит еще и кожей! На коже у него есть большое число ресничек, которые быстро двигаются, все время подгоняя к телу медлительного животного свежую воду, богатую кислородом.

Прудовики и летом могут жить без доступа воздуха. Один ученый выдержал большого прудовика в закрытом сосуде 91 день. Дыхательное отверстие моллюска было закрыто все время, но он питался и медленно двигался.

В глубоких озерах или в тех, где есть прибой, прудовики никогда не поднимаются на поверхность для дыхания. В прибойной зоне это было бы для них губительно — прибой разбил бы о камни их нежные раковинки или вовсе выбросил из воды, так и бывает после бури в малых озерах; когда множество прудовиков вместе с донными растениями оказываются на берегу.

У другого нашего моллюска — катушки — органы дыхания еще интереснее. У нее значительно больше полость легкого и у края мантии есть складка кожи, которая действует как жабра. Так что катушка одновременно дышит и легким, и жаброй и может гораздо реже выходить на поверхность для наполнения легкого свежим воздухом. В холодную осеннюю погоду катушка тоже перестает выходить на поверхность. Можно видеть, как она лежит на дне с большим пузырем легочного воздуха у отверстия раковины. В этот пузырь из окружающей воды поступает кислород. Когда воздух в нем насытится кислородом, катушка втягивает пузырь внутрь раковины.

Прудовик зимой хоть и медленно, но ползает, а катушка зарывается на дне в ил и впадает в настоящий зимний сон. Сердце ее в это время вместо обычных 25—30 раз бьется 3—4 раза в минуту.

„ОЛГОЙ-ХОРХОЙ“

Очень давно уже, лет пятнадцать назад, когда я только начинал в Доме пионеров работу с ребятами в краеведческом кружке, они часто рассказывали мне о таинственном огромном существе: пиявке не пиявке, червяке не червяке, змее не змее, которая будто бы встречается иногда в наших речках и озерах. Описать его как следует они не могли, потому что все боялись к нему прикоснуться.

Я считал себя знатоком местной фауны и флоры, однако никак не мог догадаться, о каком животном идет речь. Несколько лет загадка оставалась неразгаданной. В наш музей поступали разные экспонаты, собранные в экскурсиях и походах, но все рассказчики хором отвергали и миног, и червей-волосатиков, и крупных ложноконских пиявок...

«Нет, не то животное; которое мы видели, не такое. Оно больше, толще, страшнее...»

И вот совершенно случайно я это животное встретил. В мелкой воде небольшого озера тихо покачивался в воде толстый зеленовато-серый шнур сантиметров 35—40 длиной и толщиной в руку. Осторожно, чтобы не спугнуть, я присел и стал пристальнее всматриваться в странное существо. Не было заметно ни головы, ни конечностей. Внутри его просвечивали ряды каких-то черных точек, хвостовым концом оно обвивало подводную ветку ивы. Я долго ломал голову и не мог вспомнить ничего, что хоть сколько-нибудь походило на него. Единственное, что пришло мне на ум — описание таинственного червя олгояхорхоя из пустынь Монголии, убивающего всех приближающихся к нему разрядом электрического тока... Поэтому я все-таки долго колебался — тронуть мне эту странную «колбасу» или не стоит?

Решился. Толкнул ее прутиком. «Зверь» нисколько не испугался — качнулся и упруго возвратился на место. Я толкнул сильнее — то же самое. Взял побольше палочку. Подцепил, рванул к себе. Но «колбаса» мягко соскользнула и возвратилась в прежнее положение. Ну и ну! И тут я заметил, что этих существ много — три, пять, восемь... По всему пространству мелководья раскинулись эти прицепившиеся к подводным предметам «колбасы». Преодолев последние остатки осторожности, я схватил рукой и... ощутив слизистую поверхность шнура, все понял. Это было вовсе не животное, а икра сибирского тритона! До сих пор мне еще никогда не приходилось ее видеть, а только читать описания. Вот какие случаются встречи даже в обыкновенном озере...

ЗАКОВАННЫЕ В ПАНЦИРЬ

Была у меня и еще одна интересная встреча — с забавными водными животными — щитнями.

Когда-то ракообразные были владыками всей Земли. В древних морях ползали и плавали двух- трехметровые исполинские щитни, закованные в прочный хитиновый панцирь, вооруженные не только мощными клешнями, но еще и острым ядовитым шипом на конце тела, как у скорпиона. Их иногда так и называли — рако-скорпионы.

Шли века, господство одних животных сменялось господством других. Вымерли многие исполины, а карлики дожили до наших дней. Правда, в морях и океанах еще и сейчас нередко довольно крупные раки и крабы. Так, в наших дальневосточных морях живет гигантский японский краб с длиной туловища до 50 сантиметров. Расстояние между растянутыми клешнями у него достигает трех метров! Старые раки-омары вырастают до 70 сантиметров. Крупные ракообразные живут

долго. Омар — до 50 лет, камчатский краб — до 30, обыкновенный речной рак — до 20 лет.

Речные раки есть и в наших таежных реках, хотя и не так часто их можно встретить. В некоторых реках есть и рачки-бокоплавы, водяные ослики. И вот в одной канаве у болота, заросшего осокой и мхом, мне удалось встретить удивительнейших ракообразных — щитней.

Сначала в сачок попали остатки их панцирей, похожих на куски желтой прозрачной бумаги, а потом вдруг выловился первый щитень. Был он сантиметров пять длиной. Тело его было покрыто двухстворчатым щитом, на передней части которого находились два почти сливающихся между собой глаза. Брюшко, выглядывающее из-под заднего края щита, было членистое, лишенное конечностей и заканчивалось двумя длинными хвостовыми нитями. Ног у щитня было 60 пар! Когда он плыл, то движения отдельных ножек не замечалось. Казалось, что струя воды движется вдоль тела. Попалось мне 12 щитней, а я целый вечер любовался их быстрыми движениями в аквариуме.

Ни минуты щитни не оставались на месте — так и сновали туда-сюда. К сожалению, на следующий день они все погибли. Живут щитни очень недолго, потому что места их обычных обитаний — лужи и канавы — тоже существуют недолго. Высохнет лужа — погибает и все ее население. Но на дне лужи, в грязи, а потом и в пыли остаются яйца щитней. Они не боятся засухи, даже больше того, они непременно должны просохнуть, иначе зародыш в них не будет развиваться. Иногда проходит несколько лет, пока снова встретишь в этих же лужах щитней. И я очень рад, что хоть один вечер наблюдал этих странных существ. Глядя на них, быстро плавающих на спине, словно переносишься на 500 миллионов лет назад, когда на Земле не было ни людей, ни зверей, ни птиц, а в древних водоемах вот так же бойко плавали их предки.

В ТАЙГУ ПРИШЕЛ ЧЕЛОВЕК

На шестах я когда-то
Поднимался сюда,
Пели мне перебаты
И шумела тайга.
На Тимане я снова
И увидел в тайге
Белокаменный город
На студеной реке...

Такие строки написал о таежном городе Ухте коми-поэт Федор Щербаков. О городе, совсем молодом, насчитывающем всего лишь три десятка лет, считая с момента прибытия первых экспедиций. А сейчас это действительно белокаменный город с большим числом трех-, четы-

рех- и пятиэтажных домов, с заводами, мастерскими, школами, кино-театрами.

Почему же здесь, в сердце тайги, построили город?

Тайга — очень богатый край. Много в ней полезных растений, зверей, птиц, рыбы, древесины. А под огромными лесами и болотами лежат еще большие богатства — залежи ценных полезных ископаемых: угля, нефти и газа.

Богатства недр таежного края давно уже интересовали русских людей.

Пробираясь сквозь дремучую тайгу и преодолевая порожистые реки, еще в 1745 году на реку Ухту прибыл купец Федор Прядунов и построил на ней маленький нефтеперерабатывающий заводик, кстати, являющийся первым нефтеперегонным заводом в мире.

В прошлом столетии, в 1872 году, на Ухте была пробурена одна из первых в России и вторая в мире буровая нефтяная скважина промышленником купцом Михаилом Сидоровым, пророчески писавшем в своей книге «Север России»: «...остановится привоз из-за границы на север нефти, а сам Север будет отпускать ее в размерах баснословных...» В царской России таким мечтам не было дано осуществиться. Царское правительство к развитию промышленности и культуры национальных окраин относилось безразлично и даже враждебно. И из многочисленных документов об ухтинской нефти видно, как разбивались о каменную стену тупости, невежества, интриг и спекуляций все попытки исследователей и патриотов — Прядунова, Сидорова, Гансберга и других — развивать отечественную промышленность. Так было до Великой Октябрьской революции 1917 года.

Но уже в первые послевоенные годы, когда наша страна еще боролась с голодом, разрухой и интервентами, Владимир Ильич Ленин обратил внимание на поданную ему А. С. Соловьевым докладную записку об ухтинской нефти и запросил материалы о нефтеносном районе реки Ухты.

И вот 16 июля 1929 года «к высокому берегу реки Печоры у деревни Щелья-Юр причалил пароход, доставивший из Архангельска экспедицию в составе 125 человек, следовавшей на Ухту». В своих воспоминаниях один из участников Г. Ф. Андрищенко рассказывает: «Поместилась эта экспедиция в школе, так как другого свободного помещения в деревне не было. Затем нужно было найти лодки, так как единственный путь на Ухту был вверх по реке Ижме на 400 километров, а затем еще 12 по реке Ухте. Этим путем необходимо было доставить значительное число грузов и продовольствия. Экспедиция доставила двадцать одну лодку — баркасы, каждый из которых мог поднять груз 500—1000 пудов (тоннами тогда еще не измеряли). Моторов еще не было, лошадей нанять не удалось, и единственный выход был — доставлять лодки на себе, пешком. Лодки соединили по три, в состав, и

каждый состав тянули лямками посменно 7—8 человек. Одни тянут, другие отдыхают в лодках. Ночи еще были светлые, так что эта «сухопутная» флотилия продвигалась вверх по Ижме почти без остановок. Трудно сейчас представить себе эту бурлацкую работу, но другого выхода не было.

Путь против течения был труден. К тому же приходилось преодолевать мели и даже пороги. На пороге Бычье Горло едва не случилось большое несчастье. Река здесь пенилась среди камней и падала с высоты вниз. Подумали и решили впрягаться в каждый баркас всей партией и вытаскивать караван поочередно. Все прошло более или менее хорошо. Но вот начали проводить самый тяжелый баркас с 1000 пудами груза (16 тонн). Зацепили его двумя канатами — носовыми и мачтовыми — и потащили через порог. Но на самом гребне канаты не выдержали, лопнули — и баркас пошел обратно, в водоворот... На баркасе были начальник экспедиции А. С. Сидоров, повар и проводник. Потом, когда все кончилось, начальник шутя сказал: «Придется вам малость поуменьшить паек, а то сила у вас развилась невероятная: такие канаты порвали».

И вот 21 августа 1929 года в 11 часов дня экспедиция причалила к ухтинскому берегу. Сейчас на этом месте стоит Ухтинский механический завод. Но в то время шумел густой лес, а у самого берега ютилась охотничья баня и полуразрушенный барак размеров 5 на 6 метров. В нем лежали ржавые детали бурового станка, непригодные к работе, и деревянный ящик с документами на бурение. Вот и все, что осталось от работавшей здесь в 1913 году компании «Русское товарищество «Нефть». Из заброшенной скважины сочилась нефть — примерно три ведра в сутки пополам с водой.

Начальник партии А. С. Сидоров обратился к экспедиции: «Мы прибыли сюда, чтобы произвести разведку земных недр на нефть, газ и уголь. Мы все — советские люди, и нас послала партия. Мы должны с честью выполнить ее задание».

Люди работали с энтузиазмом.

Сам Андрющенко был по специальности сапожником, а тут начальник предложил ему стать... такелажником и поручил придумать способ, как поднять тяжелое оборудование от воды на высокий берег, — тогда у экспедиции не было ни трактора, ни крана, ни лебедки. А в некоторых ящиках хранились буровые станки весом по 120 пудов (1920 килограммов), было оборудование и по 150 пудов (2400 килограммов) в одном месте.

Всё подняли с помощью небольшого специального воротка, укрепленного на берегу.

Экспедиция стала усиленно строиться: рубить лес, пилить его вручную на доски и в первую очередь — готовить склады под технику и продовольствие. Потом построили жилье. Без механизмов, без транс-

порта, без технических приспособлений, таская на себе толстые бревна из лиственниц.

125 человек построили к зиме склады, дома, кухню, пекарню, баню, магазин, небольшую пошивочную мастерскую. Как только настала зима, решили строить первую буровую. Наступили очень сильные морозы, земля промерзла до полутора метров, грунта же нужно было вынуть немало. И, несмотря на все трудности, буровую построили досрочно.

Прошло всего лишь 35 лет — и сбылись мечты первых участников комплексной экспедиции, сбылись мечты многих русских людей, отдавших свои силы исследованию богатств Севера, — в тайге выросло несколько городов, много поселков, проложены железные и шоссейные дороги. По воздушным путям каждый день пролетают над покоренной и освоенной тайгой сотни людей.

Город Ухта, стоящий в самом сердце тайги, стал центром нефтяной и газовой промышленности.

В 1967 году начато строительство газопровода «Сияние Севера»: Вуктыл — Ухта — Череповец — Торжок, который в скором будущем будет снабжать газом промышленные предприятия центральных и северо-западных районов нашей страны. Протяженность его от Ухты до Торжка 1360 километров.

Сажевые заводы дают для резиновой промышленности страны различные сорта сажи. Нефтеперерабатывающий завод, кроме горючего и масел, выпускает несколько сортов битума. Ухтинская сажа, асфальтит, битумы и другие продукты переработки нефти и газа идут во все концы страны и на экспорт.

Сегодняшняя Ухта не только промышленный центр, но и город большой культуры. Он застроен красивыми многоэтажными домами, образующими архитектурные ансамбли. В Ухте много средних школ, горно-нефтяной, железнодорожный и лесотехнический техникумы, политехнический институт, учебные комбинаты, детские учреждения, больницы и поликлиники, музыкальная школа и еще многое другое. В Центральном доме культуры нефтяников работают: постоянная промышленная выставка Ухтинского комбината, техническая библиотека, коллективы художественной самодеятельности, первая в республике любительская киностудия, фотоклуб.

Те, кто приезжают в Ухту сегодня и выходят на просторный перрон нового вокзала и видят вдали башню ухтинского телецентра, или прибывают самолетом АН-12 на бетонированные площадки аэропорта и видят раскинувшийся перед ними в долине реки город, проходят по проспекту Мира или Космонавтов, одной из самых длинных улиц, протянувшейся почти на два километра, — с трудом могут представить себе глушь, тайгу, болота и буреломы, бывшие здесь всего лишь три десятилетия назад...

Человек пришел в тайгу и переделал ее.

И мне хочется, ребята, закончить книгу словами ухтинской поэтессы Людмилы Звягиной:

... Прошли года, десятилетия,
И, житель старого Чибью,
Видавший многое на свете,
Я этот край не узнаю.
Ушла тайга, и нет сугробов,
Больших кварталов стройный вид
Великолепной цепью новой
В прекрасном городе стоит.
Свершилось главное: победа
В тайге одержана людьми,
В глубоких недрах клад разведан,
Приди, уверься и возьми!
Весь край безлюдный бурно ожил.
Идут, идут сюда в тайгу
Отряды новой молодежи
Смирять свирепую пургу.
Что двадцать лет для океана
Дремавших в вечности лесов!
Но строгий темп большого плана,
Как ход проверенных часов,
Уже наметил становление
Большой Ухты и доказал,
Что не напрасно зоркий Ленин
сюда разведчиков послал.
Пускай же радостью отметит,
Добычей счастья занята,
Своих трудов двадцатилетье
Творенье Ленина — Ухта!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ТАЙГА

Немного о нашем крае	3
Ветер — властелин Севера	7
Грибы «надберезовики»	8
Ива-коврик и гвоздика-ежик	9
Мохнатые друзья растений	10
Цветы подо льдом	11
Что едят олени	11
Кто как защищает детенышей	13
Лемминги и их враги	15
Медведь и болото	17
Альпийская медведица	19
Как насекомые климат побеждают	21
У каждого зверя свое место	22
Самые неприхотливые	23
Самый страшный зверь	25
Долгоножки	26
Гроза в тундре	27
Чем еще богата тундра	29
Прежние дороги тундры	30
Новая дорога	31
Черное золото тундры	32
Новые богатства — новые заботы	33
До свиданья, тундра!	34

Часть вторая. ТАЙГА МОЯ

Главное богатство тайги	37
Дерево радости и красоты	39
Брат женьшеня	40
Лекарства под ногами	41
Самый пахучий цветок тайги	42
Лесные краски	43
Как защищаются травы	44
Всем известный одуванчик	45
Осот — друг одуванчика	46
Кто первым клей изобрел	46
Осторожно: яд!	48
...И кинжалы	49
Согнуть еще не значит сломить	51
«Хозяин» или «трус»?	52
Кто храбрее медведя?	54
Маленькая, да удаленькая!	55

Вот и тигр	58
Потомки великанов	57
Интинский «крокодил»	59
Рыбо-ящер юрского моря	60
Зачем нам знать это	61
Таежное утро	62
День и вечер в тайге	64
Стук в окошко	67
Видимые невидимки	68
Компас-запах	69
Еще одно богатство тайги	70
Сила щуки	72
Любитель холодной воды	73
Наказанная жадность	74
Подводные землекопы	75
«Не царь, а в мантии...»	76
О пресноводном жемчуге	77
Терем-теремок	78
Как хотят, так и дышат	79
«Олгой-хорхой»	80
Закованные в панцирь	81
В тайгу пришел человек	82

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Седых Кирилл Федорович

ТИГРЫ У НАС НЕ ВОДЯТСЯ

Ответственный редактор А. А. Агалов.
Художественный редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор Т. Д. Раткевич.
Корректоры Л. К. Малявко и Г. М. Шукан.

Подписано к набору 30/VI 1969 г. Подписано к печати 17/II 1970 г. Формат 70×90^{1/16}. Бум. № 2.
Печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 6,43. Уч.-изд. л. 5,45. Тираж 50 000 экз. ТП 1970 № 571. М-29118. Ленинградское
отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Комитета по
печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 695. Фабрика «Детская
книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград,
2-я Советская, 7. Цена 26 коп.

26 коп.

